

Михаил Роцин
Валентин и Валентина
Современная история в двух частях, с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Валентин.
Валентина.
Мать Валентины.
Бабка.
Женя.
Лиза, мать Валентина.
Маша.
Дина.
Катюша.
Рита.
Гусев.
Володя.
Очкарик – девушка в очках.
Карандашов.
Бухов.
Первый студент.
Второй студент.
Третий студент.
Прохожий.

ПРОЛОГ

Скамья в городском сквере. На нее внезапно, словно стая птиц, оседает мимоходом группа молодых людей, по виду вчерашних школьников. Папки, книжки, сигареты, транзистор. Гомонят, смеются, острят. Они молоды, на дворе весна, за деревьями контур города, машинный грохот улицы, солнце. Разговор быстр, перебивчив, небрежен, но спор не так прост, и, в сущности, он станет нервом нашей истории. Мы пока даже не выделим никого из героев, а только послушаем, о чем и как они говорят.

- Да бросьте, какая еще любовь в наше время! И зачем она?
- А мне дико хочется влюбиться! Не могу!
- Не надоело вам?
- Нет, братцы, скоро все будет за просто: понравилась – подошел – спросил: да? И все, вся любовь...
- Дайте мне-то сказать!
- Глупая ты, пойми: любовь закрепощает, начинаются всякие мучения, то, се; любовь – кабала, а секс – свобода...
- Правильно, современному человеку некогда!
- Да отстаньте, само слово-то какое гнусное: секс, секс!..
- Послушайте лучше анекдотик, люди. Приходит муж домой...
- Влюбиться хочу!
- Чес-слово, ты как тот верблюд, который идет по пустыне и думает: что бы там про нас ни говорили, а ужасно хочется пить.
- Минутку, стоя! Тише! Я сейчас иду и беру у прохожих интервью: есть любовь или нет и с чем ее вообще едят?
- Ну хорошо, если любовь есть, чего ж я до сих пор не влюбился?..

– Господи, да что вы знаете о любви!..

Постепенно среди всех должны выделиться парень и девушка, которые не отрывают глаз друг от друга, но тоже острят, иронизируют в общем тоне.

Он. Конечно, правильно, правильно: любовь надо душить в зародыше! А?

Она. Конечно. Все это романтика.

Он. Точно. Я, может, и влюбился бы, да времени нету.

Она. Да. Со временем кошмар.

Он. Между прочим, еще Наполеон говорил: на женщину не более получаса.

Она. А на мужчин и пятнадцати минут много.

Он. Ну-ну уж! Пятнадцать, может, уделите?..

И снова общий разговор – его завершает паренек, изображающий репортера.

– Любовь, братцы, психическая аномалия!..

– Если я умру из-за женщины, то только от смеха!..

– Айда, ребята, чего расселись!..

– А Экзюпери, помните, гениально сказал?..

– Надоели вы с этой любовью...

– Братцы, тихо. Есть интервью. Спокойно!.. Интервью первое. Лукерья Фоминишна, по профессии бабушка, семьдесят три года. На вопрос: «Есть ли на свете любовь?» – ответила: «Чаво такое?» Тише! А ее внучка, Саша, четыре года с половиной, на тот же вопрос потупилась и стала ковырять землю ногой... Тихо! Еще одно. Гражданин, пожелавший остаться неизвестным, когда мы его разбудили на скамейке, на вопрос: «Есть или нет?» – ответил загадочными словами: «На маленькую наберем...»

Все смеются и так же внезапно, как пришли, срываются, уходят, летят. Парень и девушка тоже идут за всеми.

К ним присоединяется паренек с воображаемым микрофоном.

– Молодые люди, что вы можете сказать о любви? Есть любовь на свете или нет?

Он. Как жизнь на Марсе.

Она. На свете?.. На каком?..

Смеются. Уходят.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Какое-то небольшое замкнутое место: это может быть та же скамейка, что в прологе, или скамья в метро, или чужой подъезд, или уголок магазина, – вокруг огромный город, который всегда становится одновременно и домом и пустыней для влюбленных. Валентин и Валентина. Она плачет, не закрывая лица. Он как умеет утешает ее.

Зима. Еще темно, но все наполнено и готово к действию.

Нашим героям по восемнадцать лет.

Он. Ну не надо, слышишь?

Она. Я не могу больше, Валя! Пойми, я не могу... Ой, и зачем это? (Горько.) Любовь!..

Он. Ну не надо, ты что? Ну!.. Ведь все равно счастье, так случилось, ты же знаешь...

Она. Да. Чем мы виноваты? Ну чем? Почему всегда надо все испортить? Надо врать, прятаться, стыдиться! Когда мне хочется кричать об этом, петь, без конца

рассказывать!

Он. Убил бы я всех!

Она. Так было хорошо, кому мы мешали? Почему надо врать?..

Он. Так было всегда. Ложь начинается там, где появляется принуждение.

Она. Какое мне дело до всегда! Я живу сейчас, я хочу, чтобы сейчас было хорошо. Господи, что они говорили! Мама, бабушка! Даже Женя...

Он (вздых). Да. У меня тоже был разговорчик...

Она. Твоя мама совсем другая. Подожди, сейчас расскажешь... А мои просто не слышат, понимаешь? Им сто – они двести! Вот послушай!

Освещается несколько старомодная, в стиле пятидесятих годов, комната. Пианино, часы с боем. Вечерний час. За столом, в кресле, Бабка Валентины, толстая, умная, грубоватая старуха с книгой, тут же Мать Валентины, подтянутая, энергичная, властная, лет сорока шести. Сейчас она нервная и усталая. У зеркала сестра Валентины Женя, красивая женщина лет двадцати семи, она небрежна, иронична, чуть развинченна.

Видишь, семейный совет. Не могу, Валя!..

Он. Ну-ну, не надо! Прошу тебя... Иди.

Она. Да, сейчас.

Но Валентина не идет, приникает к нему, и они вместе слушают начало разговора.

Мать. Ну где вот она опять?

Бабка. Ох, господи!.. Придет!

Женя. Ребята, вы меня удивляете. Восемнадцать лет человеку! Да она святая по нынешним временам!

Бабка. Угу, старая дева.

Женя. Девчонки уже в седьмом классе бог знает что творят! Спорт, мода, песенки. (Напевает.) Больше знать ничего не хотят!

Бабка. Ох, господи!

Мать. Не знаю. Я устала от этой пошлости. Есть же у нас другая молодежь, почему с нее не брать пример? Это у тебя в английской школе вундеркинды. По нашему Красному Кресту знаешь сколько доноров среди молодежи? Я одиннадцать лет работаю, а такой сознательности, как теперь...

Женя (наигранно). Ну да, конечно.

Мать. Не конечно, а я тебе говорю, что есть. И вас, по-моему, воспитывали как надо...

Бабка. Папаша-то был кавалерист! Гусар!

Мать. Ну что ты вечно: гусар! Всего два месяца служил в кавалерии. Я Дмитрия, кстати, не осуждаю, он был цельный человек и поступил честно.

Бабка. С двумя детьми на руках оставил, честно!.. Когда уж тебя жизнь чему научит?..

Мать. Не надо об этом. И жизнь тут ни при чем. Сейчас всем дано все. Почему я, например, всегда тянулась к хорошему, а не к плохому? А у нас не было таких возможностей, как у них. Я даже не смогла закончить институт. Но я старалась, я работала, я росла. Я без диплома, а на мне целое отделение Общества! И все, слава богу, уважают. А вы... вас прямо влечет эта накипь, эта мода.

Женя (якобы не слушая). Да, маникюрчик-то того... Англичане говорят: самое трудное – быть немодным.

Бабка. Самое трудное – дурами не быть. (Пыхтит.)

Мать. Только о себе думают, только о себе!..

Женя. Ты видела журналы? Слава показывал?.. Это в Лондоне! В пуританской,

чопорной Англии!

Мать. Оставь! При чем тут Англия, Лондон!..

Бабка. Еще Пушкин, Александр Сергеевич, говаривал: что важно Лондону, то рано для Москвы...

Женя. Чего, чего? Неплохо. Надо Славе продать... «Что важно Лондону...» (Смеется.)

Мать. Жаргончик! «Продать»!

Бабка. Теперь не учителя детей учат языку, а дети учителей жаргону.

Женя. Мамуля! Двадцатый век. Весь мир перевернулся, крутится вот такое колесо!.. Тебе всю жизнь хочется идеальных, возвышенных отношений. Но их нет! Это вам не салонная пьеса. «Ах, графиня, я вас же ву зем!..» Баба, в твоё время когда выходили замуж?

Бабка. По-разному выходили. Не путай меня с девятнадцатым веком!..

Мать. Двадцатый век, двадцатый век! Все зависит не от века, а от человека! Я хочу! Да! И пусть у других как угодно, а с моей дочерью ничего такого не будет!

Женя. А о чем вообще речь? Разве есть симптомы?

Бабка. Будут симптомы – будет поздно.

Мать. Не будет! Ее надо привести в чувство. А то кончится тем, что она искалечит себе жизнь, бросит институт, будет голодать, плодить нищих.

Женя. Ну кто теперь голодает? Какие нищие?..

Бабка. А-а, правда, нищие давно-о не ходят.

Мать. Боже, как я устала! Вместо того чтобы отдохнуть, полежать, почитать...

Женя. Мама! Весь сыр-бор из-за того, что они шли в обнимку. Теперь все так ходят.

Бабка. Спасибо, ходят в обнимку, а не лежат.

Мать. Мне нет дела: все! Все будут биться головой об стенку, и вы тоже? Я не хочу больше. Я устала. (Жене.) Между прочим, ты бы, как старшая сестра, чем остеречь, могла бы тоже помочь. У тебя уже вообще в доме никаких обязанностей. Живешь как трава. Могла бы поговорить, отвлечь, а то – двадцатый век, двадцатый век! Когда-то на войну все списывали, а теперь – на двадцатый век! Еще скажите: атомная бомба... раз живем... если война...

Бабка. Она научит. По-лондонскому-то!..

Женя (поет). «Ах, война, что ты, подлая, сделала...»

Мать (Бабке). А ты бы, между прочим, тоже поменьше ей потакала. А то сейчас одно, а потом: Алечка, Алечка, жалко Алечку... Пусть весь мир развалится от грязи, но моя дочь должна быть чиста, как Афродита! И если каждая мать сделает так – грязь отступит!..

Бабка (бурчит). Да, как же, сейчас...

Женя. Чего-чего? Афродита? (Смеется.)

Валентин и Валентина слушают.

Она. Ну, я пойду?..

Он. Я буду тебя ругать.

Она. Да, просто проклинай.

Он. Но ты не очень. Лучше промолчи.

Она. Не могу я больше молчать...

Валентина входит в дом, раздевается. Садится на свое место. Бабка наливает чай.

Мать. Между прочим, мы тебя давно ждем.

Валя. Был коллоквиум, потом в библиотеку надо было зайти... Что ты так смотришь?

Мать. Давно не видела. Редко встречаемся... А что, нельзя? Что ты такая бледная?

Бабка. Да она не ест ничего. Ты пообедала? Рубль я тебе давала.

Валя. Да, я ела.

Мать. Я хотела поговорить с тобой. Серьезно.

Бабка. Пусть чайку-то попьет...

Мать. Я тебя вчера видела. В метро.

Валя. В каком метро?

Мать. В простом.

Раздается телефонный звонок. Трубку берет Женя.

Женя. Наконец-то!.. Вы что это, милорд?.. Ой-ой, врать-то!.. Ну хорошо, подъезжай сюда... Чего-чего?.. Ой-ой! (Смеется.) Все!

Мать. Женя!.. Ну можно минуту быть серьезной? (Вале.) Это что, обязательно ходить в общественных местах в обнимку? Ты считаешь, это прилично? Я понимаю, вы никого не видите, – влюбленные вообще никого не видят и даже не подозревают, что их видят все... Ты несла его шапку, он – твой портфель, ты просто таяла от его объятий...

Бабка. Возьми еще печеньица.

Валя. Не хочу. (Матери.) Я такого не помню.

Мать. Может, я вру?

Женя. Это был он, но с ним была не она!

Мать. Я ночь не спала, меня сегодня на работе все спрашивают: что с вами? У меня голова распухла! А что мне сказать? Что моя дочь уподобилась этим девицам, которых парни хватают на улицах? Никакого стыда не осталось! Где девическая гордость, чистота, застенчивость?.. «Эй! Давай! Чувиха! Айда!» Тьфу! (Продолжает передразнивать.) Распустят патлы, сигарету в зубы, развалятся, – девушки!

Женя. Выродки, а не девушки!

Валя. Ко мне, по-моему, это не относится.

Мать. Спасибо! Но это пока. А ты не чувствуешь, что катишься по наклонной плоскости? Без вздохов! Мы, по-моему, ничего не имели против, что вы дружите, что он приходит в дом. Правда, я думала, у тебя вкус получше...

Бабка. Любовь зла...

Мать. Но пусть! Я понимаю, в этом возрасте у всех бывают увлечения...

Валя. Я в первый раз влюбилась еще в детском саду.

Женя. А я? До сих пор фамилию помню: Шурик Великанов! У него проволочка была на зубах.

Мать. (Жене). Перестань!

Бабка. Одна порода.

Мать. Но теперь я вижу, что у вас там... не знаю что!..

Женя. (небрежно). Скажи лучше, тебе не нравится, что у него мать проводница.

Мать. При чем тут это? Мы тоже не князья и не дворяне.

Бабка. (шутит). К сожалению.

Мать. Хоть отец и помогал, но нам с бабушкой воспитывать вас, одевать, обувать, учить...

Валя. Я все знаю: была война, голод, карточки. Когда Женя родилась, ей на молоко продали бабушкино кольцо.

Валя. (крутит на пальце кольцо). Ну, у меня кто-нибудь родится, я тоже продам кольцо.

Бабка. Угу. Тоже бабушкин подарок. Ты лучше возьми утюг да сразу бабку по голове!..

Мать. Что-что? Кто у тебя родится?

Бабка. Известно кто: мальчик или девочка.

Мать. Может, ты уже и замуж собралась?

Бабка. Конечно, спешить надо, в девках засиделась. Глядишь, перестарка и не возьмет никто!

Валя. Бабушка! Ну ты-то что?

Мать. Да! Тем более такого жениха упустить. Рокфеллер! Зимой и летом все в техасских штанах. И мужчина в самой силе!

Валя встает и молча собирается уйти из комнаты.

Аля!.. Сядь! Мы не закончили... Сядь, я говорю!

Валя. Я не хочу говорить в таком тоне.

Мать. Какие мы гордые! Хорошо бы эту гордость приберечь для другого.

Женя (приблизясь к сестре, нараспев). Валентина-а...

Валя (отстраняясь, резко). А ты тоже! Почему-то над твоим Славой не шутят.

Женя. Ну не заходишь, при чем тут Слава? Слава, между прочим, два института кончил. Слава в порядке: квартира, машина...

Валя. Жена, дети!..

Женя. Ух ты!

Мать (Жене). Ты со своим Славой помолчи лучше! (Вале.) А ты не сравнивай, Женя взрослый человек. Когда тебе будет двадцать семь, никто слова не скажет, живи как знаешь...

Бабка. Слава-то свистун, чего говорить.

Женя. Чего-чего?.. Правильно. (Смеется.) Свистун!

Бабка. От мужа нечего было уходить.

Женя. Бабуля! Этот муж объелся груш.

Мать (Жене). Прекрати! Тебе надо было идти, и иди. (Вале.) А ты сядь! Сядь и слушай!

Валя. Я все поняла. (Стоит.)

Мать. Нет, слушай! Я же вижу твоё состояние. Пойми, из-за глупой ошибки ты можешь сломать себе жизнь!

Валя. Никто не собирается ломать.

Бабка. Бесполезно. Они ж умней всех!..

Мать. Ты же не глупая девушка, неужели ты не понимаешь, что увлечение – это увлечение, что у тебя их будет в жизни миллион? А замужество, семья... Ты знаешь, что такое муж?.. Муж – это основа, это на целую жизнь, это человек, который... (Осекается.)

Бабка. Охо-хо!

Женя (едко). Какая проза! А любовь, а чувства?..

Бабка. Любовь короткая, а жизнь длинная. Ты сначала жизнь устрой, а там люби себе.

Мать. Ну хватит! При чем тут любовь?.. Любовь – редкость! Как красота или талант! А вы принимаете за любовь совсем другое. Просто что-то неприличное есть, неприятное, когда такие вот девчонки и мальчишки, совсем дети!.. Нет, я не понимаю...

Женя. По Фрейду, самых пылких чувств хватает года на четыре... (Подумав.) Да, не больше...

Бабка. Любви приходят и уходят, а муж остается...

Мать. Распушенность – больше ничего!

Бабка. Лотерея. Каждый думает машину выиграть, а много ли выигрывают?..

Женя. Как-как? Ничего!

Мать. Вот! Любовь – это машина! А все остальное – так! А ты уверена, что это машина?

Валя смотрит на Валентина. Идет к нему. Пауза.

Она. Ты уверен?

Он (через паузу). Я? Да. А ты?

Она. Да. Но чем ты можешь доказать?

Он. Ну чем?.. Просто вот она! Пожалуйста! (Делает жест, будто открывает дверцу машины.)

Она. Ты все шутишь. А они правильно говорят.

Он. Вроде бы. Только почему-то слушать их тяжело, а поступать по-ихнему невозможно.

Она. По-ихнему! Откуда у тебя эти «ихний», «ехай»?

Он. Темные мы, неграмотные. Сто лет всего, как из крепостного права вышли.

Она. Ну не остри, не до того.

Он. А что! Я серьезно. Я все-таки историк. Где уж нам любить, подниматься до святых высот! Небось какой-нибудь мой прадед ставил сына перед собой и говорил: «Жениться будешь на Маруське, а на Валентине не будешь. Что еще за Валентина!» И все, и сын действительно женился на Маруське. Хорошо?

Она. Не знаю, может, и хорошо.

Он. Может? Но, видишь ли, человечество почему-то смертным боем бьется против крепостных прав, совершает революции. Почему-то человек хочет быть человеком, а не рабом...

Она. Нет, ты лучше скажи: ты уверен? Точно?

Валентин хочет ее поцеловать.

Подожди... А если ты ошибаешься?..

Он. Аля!..

Она. Нет, ну а вдруг?

Он. Ну что вдруг, что?.. Ерунда какая-то! Во-первых, любовь – это не потеря. И не машина. И мир существует потому, что в нем есть любовь, и исчезнет, если ее не будет! В наше время, не в наше, когда угодно, но люди любили друг друга, и каждый человек кого-то когда-то любил. «Любовь – такая же редкость, как талант или красота!» Почему? А может быть, любовь – это то же самое, что душа? А душа есть у каждого. Одни, значит, могут любить, а другие нет? Каждый человек в чем-то и красив и талантлив!..

Она (улыбаясь). Ты у меня жутко идейный.

Он. Да, между прочим. Я идейный!.. Куда ты?..

Она. Подожди. Еще не все. Это еще были цветочки!..

Он (злясь). Машина!

Валентина возвращается в комнату.

Мать (как бы продолжая). Мальчик, почти ребенок! Девушка в восемнадцать лет еще может, имеет право выйти замуж...

Бабка. Я уж родила в семнадцать!..

Мать. ...но мальчик!..

Валя. Ну хватит! Я не маленькая! Муж, замуж, такой, не такой. Никто вам ничего не говорит! А насчет этого... ну любви, то... Любовь – не потеря! И никакая не машина, между прочим! Любовь – это любовь! У кого есть душа, того она не минует!..

Мать. Это уже его влияние!..

Валя. Если он мне нравится! Что мне, к черту его послать? Почему? Ну почему? Я не понимаю! Чего вы от меня хотите? Какого фига?..

Мать. Ты что? Выбирай выражения!

Бабка. За проводницына сына выйдет, вовсе будет нас по матушке посылать.

Женя (поет). «А у этой проводницы шелковистые ресницы...»

Валя. За проводницына, за проводницына!.. Тебе-то, бабушка, как не стыдно? (Матери.) Что выбирать? (Жене.) А ты!.. Ты бы... Как это называется, кто сам делает, а других осуждает?..

Женя. Я? Осуждаю?..

Бабка. Всех разом обкусала!

Валя. Ханжа это называется!..

Женя. Ну, ты совсем уж!.. (Выходит и потом возвращается в пальто.)

Валя. Не трогайте меня лучше!.. «Обеспечивает, устраивает»! «Четыре года по Фрейду»!.. Сидеть и раскладывать, что выгодно, что невыгодно? Почему всегда говорят: кончи институт, кончи институт?! Чтобы дипломы были, а любви уже не было?..

Мать. Ты не знаешь, что такое жизнь! Что он может тебе дать? Самая распрекрасная любовь разлетится в прах, когда нечего будет есть и некуда преклонить голову.

Валя. Да почему он мне должен что-то давать? Почему нельзя на равных?.. Он, например, вечно на кухне, на табуреточке занимается, а я... у нас три комнаты...

Мать. Минуту-точку!

Женя. Ого!..

Бабка. Вот тебе и застенчивый. Уж на нашу жилплощадь наметился!

Мать. Минутку!.. Вы поняли? И зачем мы так долго разговаривали? Ты, милая, открывала бы свои карты сразу: хочу, мол, привести вам в дом зятя. Ты открылась, и я тебе откроюсь. Ты говоришь: комнату...

Валя. Я ничего не говорю.

Мать. Ты говоришь – комнату, а мы тебе так же откровенно ответим: не надейся! И хитренькому мальчику своему передай: не выйдет!..

Валя. Мама!..

Мать. Что ж тут оскорбляться? Дело житейское. Но только как это ты себе представляешь, интересно? Вы с бабушкой в одной комнате, и он, что ли, с вами? Или к Жене его поселим? Или меня к бабушке? Я УЖ, может, и на свой угол права не имею?..

Бабка. Чего уж! Нам вообще на кладбище пора, а им место освободить.

Женя. Построим кооператив, и ключи на свадьбу.

Мать. Извини, не выйдет! И вообще запомни: ничего своего у тебя нет. Ты студентка, и все. И пока ты живешь в родном доме, изволь поступать не так, как тебе хочется, а как будет лучше. Для тебя же! Кстати сказать, чем забивать голову неизвестно чем, ты могла бы подумать, как твоя мать бьется всю жизнь, старается для вас. Другое дело, что я не люблю никому ничего показывать.

Бабка. На брюхе – шелк, а в брюхе – щелк.

Мать. Да, потому что женщина должна быть женщиной: пусть скромно, но...

Бабка. От женщины должно пахнуть чистотой.

Мать. Неужели ты не понимаешь сама-то, Аля! Если бы я хоть на минуту поверила, что все это серьезно, я бы все для тебя сделала. Но ты подумай, подумай!

Бабка. В музыкальной школе учили, английскому!..

Женя (глядит на часы). Бросьте, ребята! Ей ведь еще заниматься... «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте!»

Женю не слушают. Она уходит. Но не совсем. Стоит в стороне.

Мать. Можете называть меня отсталой, жестокой, несовременной, но я мать, и я хочу добра своему ребенку!.. А эту любовь мы знаем! На сестричку свою посмотри! Тоже вечно: любовь! Все в тумане, сама не понимает, что делает и что с ней

делается. Знаем, слава богу! Ты девочка, ты первоцвет. А у нас опыт! Долгий, горький опыт! Туман рассеивается, остается грубая жизнь. Заплаканные глаза, больничный потолок, пустота и отвращение. Вот и вся ваша любовь! И тогда вы бежите к маме, рыдаете – если еще есть слезы – и говорите: «Зачем ты позволила, зачем ты меня не остановила, не связала? И зачем я тебе не поверила?»... Вот чем кончается ваш туман. Я тоже женщина, я тоже кое-что испытала в жизни, и неужели я не понимаю? Все я понимаю! Сейчас ты нас ненавидишь, мы самые злые твои враги, я знаю, все враги! Только он самый лучший, самый умный. Но это туман! Чуть-чуть опомнишься, и дело покажется проще. А если сама не можешь с собой справиться, мы поможем! Приведем тебя в чувство! Пусть я буду плохая – потом сама скажешь мне спасибо. Ты потеряла голову – я ее тебе найду! И надену на место!.. Потому что я тоже тебя люблю, и уверяю, не меньше твоего мальчика!.. Ясно?

Валя (резко). Да. Аудиенция окончена?

Бабка. Ох папаша! Ох кавалерист!

Мать. Стой!.. Если так, то с сегодняшнего дня ты вообще не будешь никуда ходить, ты не будешь с ним встречаться!.. Эти обнимочки кончатся!

Валя. Этого не будет!

Мать. Нет, будет!

Валя. Все?

Мать. Все!

Валя. Спасибо за внимание!

Валентина выбегает, останавливается возле Валентина. Ему и жалко ее, но он и гордится ею.

Она делает жест: дослушай, еще не все.

Мать. Ты поняла?

Бабка. Я давно поняла. Удила закусил!

Мать. Что же делать?

Бабка. Ты уж больно круто. Наша порода! Все такие! И ты такая была!

Мать. Я? Да не выдумывай! Я всю жизнь работаю, я всю войну девчонкой в госпиталях, и ничего. У меня потому что всегда на первом плане был долг, семья. И когда Дмитрий ушел, я еще могла устроить свою жизнь... Нет, но как она про комнату!.. Может, я отстала, ничего не понимаю?.. Но у меня тоже кое-что было в жизни, мы тоже влюблялись, но как-то иначе: стеснялись, не афишировали... А тут какой-то разгром, все наружу, вверх тормашками! Что за стиль такой, что за времена! Одна себе все исковеркала, теперь другая! Лавина какая-то, лавина!..

Бабка. То-то что! А запрещать, я думаю, может, еще хуже...

Мать. А что, разрешать? Постель, может, им постелить? Комнату отдать?.. Через три месяца все пройдет!

Бабка. Ну а вдруг любовь?

Мать. «Любовь»! Да что ж пристали с этой любовью? Неужели, если б что-то серьезное, я стала бы ежовые рукавицы надевать? Избаловались! Никаких забот нет! Все им отдай, все разреши! Чем бы дите не тешилось... «Любовь»! Дети еще!..

Бабка. Ну какие дети! Девятнадцатый год. Ты тоже соображай. Времена-то другие! Женька права: рано они развиваются, образованные, самостоятельные. Почитай вон: больше половины населения – молодежь! Что ж за них-то все решать?

Мать. Боже мой, ну и что ж теперь, и слова им не скажи? Мы-то что, старухи, что ли? Или отжили свое, или не понимаем? Молодежь! Между прочим, эти разговоры, что молодежь, мол, права, а другие нет, – ерунда. Молодежь готовое берет, не свое – свое-то откуда? Его еще найти надо. Вот и повторяют чужое, а сами думают, что это они открыли. Как будто мы плохого им хотим!..

Бабка. «Если бы молодость знала, если бы старость могла»...

Мать. Ах, ну ладно, не до философии! Что делать-то? А?

Бабка. Чего тут сделаешь-то? Ждать...

Мать. Ну нет!..

Между тем Женя, сделав знак тому, кто ее ждет, чтобы подождал еще, подходит к Валентине, зовет ее.

Женя. Валя! На два слова! Ну чего ты волчицей-то глядишь? Я, между прочим, пыталась им объяснить, но... Что молчишь?

Валя. Ты же хотела говорить. Я слушаю.

Женя. Зря ты. Плохого тебе никто не хочет.

Валя. Я тоже.

Женя. Ох! Если бы ты могла забежать на десять лет вперед.

Валя. Все крепки задним умом.

Женя. Что?

Валя. Все крепки задним умом. Русское идиоматическое выражение.

Женя. А-а! Я, конечно, не собираюсь тебе читать мораль...

Валя. Надеюсь.

Женя. Просто один пример. Из жизни... Не помнишь случайно, был у меня такой знакомый, Анатолий?

Валя. Знакомый? Ты из-за него из дому уходила, рыдала, мать тебе один раз пощечин налепила за него.

Женя. Пощечин? Когда это?.. Нет, ну мать не могла, ты что?

Валя. «Не могла»!.. Ненавижу вот эту манеру в нашем доме (жеманно): у нас не может быть ничего неприличного.

Женя. Нет, ну... я... мы дико ссорились тогда, да, но пощечины...

Валя. Да ладно...

Женя. Ну, возможно. А ты, значит, помнишь про Анатолия? Вот не думала.

Валя. «Не думала»! А ты бы поговорила со мной когда-нибудь. Я не то что помню, я знаю!..

Женя. Ну-ну, что ты можешь знать.

Валя. Ладно, Женя. Что ты хотела сказать?..

Женя. Да просто, что я тоже... была влюблена, без ума, без памяти, из дому действительно убегала, но...

Валя. Но потом все прошло, да?..

Женя. Ну, не злись!.. Ах, Толик Овчинников... (Несколько уносясь в прошлое.) Какой мальчик был! В белом свитере, высокий, глаза синие. Географичка наша влюблена в него была, не говорю уж о девчонках...

Валя. Ты и с Игорем разошлась, потому что Толика продолжала любить. Одного любила, а вышла за другого.

Женя (острит). Это называется – брак по-русски!.. Да, когда-нибудь я тебе расскажу...

Валя. Да не надо.

Женя. Я что хочу сказать: встретились мы как-то в прошлом году, случайно... Смотрю: залысины, глаза выцвели, катает колясочку, второй ребенок... Господи, думаю, и из-за этого человека я умирала, сходила с ума!..

Валя. Я поняла, не стоит...

Женя. Что ты поняла?.. Любовь! Станешь женщиной – тогда поймешь!.. Ты знаешь, что можно провести с человеком один вечер, одну ночь – и проиграть всю эту симфонию за полсуток? Мы живем в слишком плотном времени, все обострено, все под давлением, мы не умеем ничего проживать, понимаешь? Раньше, когда у людей было горе, они долго носили траур и проживали это горе; когда женились, то устраивали медовый месяц и ехали в свадебное путешествие... А теперь человек

прибегает на полчаса с работы, чтобы похоронить друга или расписаться с невестой, а такси его уже ждет, и он мчится еще куда-то, и, когда дверца захлопывается, он уже не помнит ни о похоронах, ни о невесте...

Валя. Чужой опыт все равно никогда никого не убеждал.

Женя (продолжая). Ты не знаешь, как встречаются мужчина с женщиной на полчаса, где-нибудь в чужой комнате, с чужими фотографиями, с телефоном в коридоре, по которому в это самое время соседи говорят про говядину...

Валя (брезгливо). Не надо, не хочу про говядину...

Женя. Почему? Это тоже любовь!.. Ты ждешь его, как собака, запертая в комнате, ходишь с ним по «Детскому миру», выбираешь подарки его детям, провожаешь его домой, когда он спешит к жене... Ты терпишь его холодность, усталость, и ты знаешь, прекрасно знаешь, что все это кончится в конце концов и ты останешься одна. И лучше, лучше, если просто один вечер, одна ночь, – тогда по крайней мере сохранится очарование, воспоминание о тумане, о котором говорила мать, не будет боли и страдания... Ну ладно, что я тебе рассказываю, это действительно надо пережить, чтобы понять... (Опомнись, снова иронически.) Ну что ты смотришь на меня так жалостно? Пожалей лучше себя!.. Я поеду... «Любовь – это не машина». Любовь – это машина!.. Салют! (Уходит.)

Валентина возвращается на прежнее место. Она думает. Валентин ждет ее. Садятся рядом.

Она (вздыхнув, как после плача). Вот так, Валечка, такие дела... Что это?.. Ведь они и вправду меня любят, и я их люблю. Я маму выбрала, когда они с отцом разошлись, я уже большая была, одиннадцать лет. А бабушка всегда была моим другом, всегда была в курсе, все знала... И как я мечтала о любви, тоже знала. Я думала, когда полюблю, я вбегу в дом с цветами, вот с такой охапкой, рассыплю их, осыплю ими маму, бабу, Женю, крикну: товарищи, дорогие мои, поздравьте меня, я влюбилась!.. И я стану кружиться, петь, все окна открыты, и занавески летят, как на Первое мая... Я буду всем звонить, отцу – телеграмму, и они тоже станут счастливые, будут смеяться, обнимать меня, печь пироги, открывать вино, а я стану играть марш из «Аиды». Трам! Та-та-та-та-там!.. Хорошо?

Он (серьезно). Да.

Она. Вот. А что получается?.. Понимаешь, я даже не знаю... Злость какая-то жуткая... даже не могу найти слово... Просто что-то биологическое...

Он. Ты их собственность, ты их... ну как сказать?.. предприятие, в которое они вложили капитал.

Она. Ты к политекономии, что ли, готовишься?

Он. Я серьезно... Им бы получить еще приличные проценты с капитала.

Она. Марксист ты мой! Просто люди больше всего мучают тех, кого больше всего любят...

Он. Этого я не понимаю. Мистика!

Она. Ну при чем тут мистика? Ох боже мой!..

Он. Думаешь, я их не полюбил? Уже за одно то, что они твои: твоя мать, бабушка, сестра... Я бы тоже мог... с цветами, рассыпать и сказать: дорогие мои, какая у вас дочь! Понимаешь? А они что? «Здрате, здрате, проходите, возьмите вареньица, какой начитанный мальчик, очень приятно...» А сами? Двulichные бабы, больше ничего! Всё они нам испортят!.. Черт! Просто какой-то заколдованный круг...

Она. Ну что ты? Не надо, Валя!.. Валь!..

Он. Да, конечно... Ничего!.. Ничего, ничего! Мы с тобой, в конце концов, совершеннолетние, и мы...

Она. Я, по-моему, уже совершеннозимняя.

Он. Замерзла? Чего же ты? Иди сюда! (Распахивает пальто и обнимает ее.)

Поцелуй.

Она. Валечка, милый мой...

Он. Алечка... Ты меня любишь?

Она. Да. Очень. Подожди... Ой, не могу!.. Подожди, а что было у тебя?.. Ну, подожди!..

Он. Потом!.. Пусти!.. Видишь, как рука замерзла... пусти!

Она. Перестань, ну!

Он. Не перестану, пусти!..

Она. Да ну тебя, щекотно!

Смеются.

Он. Ты глупая, да? Пусти!...

Она. Уйди!

Смеются, целуются. Валентина вырывается.

Он. Валь!

Она. Ну тебя!

Он. Аль!

Она. Что?

Он. А ты придешь?

Она. Да.

Он. Точно?

Она. Да.

Он. Точно-точно?

Она. Ты безумный.

Он. Да, я безумный. Ты придешь?..

Она (ласково, смеясь). Ты безумный, легкомысленный, глупый мальчишка! И правильно они говорят... Как с тобой семью строить? Только и будешь целоваться.

Он. А для чего ее строить?.. Щи варить? Ты придешь?

Она. Не щи, а ячейку общества. Основа государства.

Он (шутливо, с озорством). Долой семью, частную собственность и... Ты придешь?

Она. Да, приду, о господи!.. Ты расскажи лучше, что у тебя было?..

Он. Потом! Иди сюда!.. Ты когда придешь?

Она. Не приставай, я кому сказала! Рассказывай!..

Он. Да не хочу я!

Она. А я приказываю: рассказывай!

Он. Да ну!

Она. «Да ну! Да ну!» Я уже у тебя тоже научилась этому «да ну!».

Он. А я у тебя – вот так делать! (Повторяет какой-то ее характерный жест.)

Она. А я у тебя – вот так! (Повторяет его жест.)

Смеются.

Мы с тобой все-таки жутко глупые!

Он. Дети!

Она. Вокруг нас опасности, а мы...

Он. А мы целуемся! (Улучив момент, целует ее.) Мы ж счастливые! Я люблю тебя... Я никому никогда не говорил этого слова... Аля!..

Она. Еще!

Поцелуй. Круговорот, головокружение. Потом пауза.

Не надо больше. Рассказывай. Мне пора.

Он. Ты придешь?

Она. Я не приду, я буду бежать... Рассказывай, прошу тебя.

Он (послушно). Хорошо.

Валентин отходит от Валентины, и освещается тесная комната в старом доме. Кухня, она же прихожая, обитая дверь, газовая плита, вешалка. В глубине комнаты детская кровать. Мать Валентина, которую мы будем называть просто Лизой, – ей нет еще и сорока, миловидная, живая, озабоченная женщина в железнодорожной форме, – торопится, собирается в рейс. Сестра Валентина Маша, девушка-подросток, учит уроки. Или делает вид, что учит. Валентин, засучив рукава, моет посуду. Играет радио.

Лиза. Маш, белье из прачечной не забудь, я квитанцию вот здесь кладу, поняла?

Валентин. Да чего ты волнуешься, сделаем мы всё.

Лиза. Ты уж молчи, сделаете вы! Жених!

Валентин. Ну ма!

Лиза. «Ма, ма»! Душа уже изболелась на тебя глядеть! Что ты себе думаешь? Не заводил бы ничего серьезного-то... На себя погляди, кожа да кости!

Валентин. Ну уж! (Демонстрирует бицепс.)

Лиза. Силач!.. Нравится она тебе, ну и гуляли бы, кто вам не велит? А то ты и девушек еще в жизни не видел, не знаешь ничего, а уж всерьез, чуть не жениться! Кто теперь женится-то? Это вы у меня честные такие, в отца своего. А только отец-то в крематории пятый год...

Валентин. Ну чего ты про отца?..

Лиза. Да ничего, ладно!.. Маш, бигуди мои не видела?..

Маша. Сейчас.

Лиза. Сиди, сиди, учи!.. Поглядел бы, что делается, жених!..

Валентин. А что делается? Дворцы бракосочетания, венчания, машины с кольцами, а в них невесты в этих штуках...

Лиза. А ну тебя! Проехал бы рейс со мной, трое суток туда, трое обратно, поглядел бы! Тоже, бывает, какую-нибудь такую невесту провожают, слезы рекой, чуть к милому в окошко не прыгает, до светофора ручкой машет, а ночь прошла – уже с попутчиком в вагоне-ресторане ля-ля разводит или полночи в тамбуре стоит!

Валентин. Ну зря ты! По-твоему, и любви нет?..

Лиза. Чего? Может, кому делать нечего, у тех и есть. А когда трое ртов, когда бьешься день за днем как рыба об лед, никакая блажь в голову не ползет!.. В твои года-то еще можно, я тоже девчонкой была, отца нашего увидела, он тогда электровоз новый вел, все их встречали, митинг был, а он тоже в форме новенькой, аккуратный, ботиночки как черные зеркала... Я так и обмерла: ну, думаю, мой!..

Валентин. Ну! А говоришь, нет! Обмерла же...

Лиза. Обмерла! А потом сколько мы мучились? У него братья, сестры, мать по больницам вечно, а я сразу тобой стала ходить. И всего нашего приданого набралось: у меня подушка, у него шинель да фуражка.

Валентин. И не обмирала больше?

Лиза. Я б обмирала, да только мне над вами тремя надо было обмирать.

Маша (выходит, поет, несет бигуди). «Любовь – кольцо, а у кольца...»

Валентин (подхватывает). «Начала нет и нет конца...»

Лиза. Слава богу! Где они были-то?.. (Маше.) Иди учи! Будете здесь теперь дурака валять! (Валентину.) Ты смотри за ней, пусть поздно не гуляет, и уроки проверяй. Да не забудьте Маринку из сада взять.

Валентин. Да что ты, мам, в первый раз нам, что ли...

Маша. За Маринкой я поеду, С Катюшей.

Лиза. Первый не первый, а прямо сердце не на месте, какое-то предчувствие...

Валентин. Ну вот! Брось ты, честное слово!.. Ехай себе... то есть езжай себе спокойно... Машка, брысь!

Маша отходит.

Только можно, я Маринку тете Тоне отвезу? А то у меня суббота и воскресенье вот так заняты! Я на первые две лекции съезжу, а оттуда на станцию.

Лиза. Ты там тяжело-то очень не таскай, попроси Федор Ивановича полегче что-нибудь, отцов друг все-таки. А к Тоне поедешь, возьми у нее десятку до получки и отдай тогда за декабрь квартплату, а то конец года. Или из стипендии заплати... Да, хотя ж ты жених теперь, самому надо!..

Валентин. Ну ладно, мам!..

Лиза. Чем кормить-то будешь молодую? Она у тебя непростая, на картошке да лапше сидеть не будет...

Валентин. А в ресторанах. Вкусно, быстро, недорого!

Лиза. Натворите вы дел, вправду жениться придется! Или надеешься, в зятя они тебя возьмут?

Валентин. Куда?

Лиза. Ну, к себе. В дом. В зятя называется. Ох, не по себе ты дерево рубишь! Ты у меня умный, студент, а мать у тебя неученая, с семилеткой, но только послушал бы ты меня раз в жизни. Не станет она с тобой в трудностях жить. И любовь выскочит из нее, как пар. Куда ты ее приведешь, сюда?..

Валентин. Ну дадут же нам. В новом году очередь подойдет...

Лиза. Она который год подходит!

Валентин. Ну неправда. Все получают. Еще три комнаты отхватим.

Маша. И одну тебе сразу, да?

Валентин (Маше). Тихо, бабуся! Когда спросят – скажете!

Лиза. Брал бы вон лучше Катюшку Веры Павловны, – уж какая хорошая выросла, смотреть мило. Своя, добрая и по тебе с детства тает.

Валентина покачивает головой: мол, так, интересно.

Валентин несколько смущенно улыбается, обернувшись к ней.

Этой-то ничего не страшно, все трудное в жизни видела, на хлебозаводе работает, ручек не побоится замарать. Твоя красивая, но если Катюшку нарядить...

Маша. Да она нарядная! Она такое платье на Новый год шьет!..

Валентин. Усохни! Ты чего слушаешь?..

Маша. Ничего я не слышу.

Лиза. И комнатка у Веры Павловны вторая есть, и Вере Павловне ты как сын...

Валентин. Ну ладно, мама, ну о чем ты?..

Лиза. Да, конечно, без толку говорить!.. Ладно, ухожу! Маринку не забудьте!..

Валентин. Да что ж ты с Маринкой!.. Анекдот знаешь? Про детский сад?.. Потрясный анекдот. Приводит, значит, муж ребенка из детского сада, а жена...

Лиза. Ты потише.

Валентин. Да он приличный... А жена, значит, и говорит: «Ты кого ж это привел? Это не наш ребенок». Он поглядел: действительно, не их. А потом махнул рукой: «Да ладно, все равно в понедельник обратно отводить!..»

Маша, как бомба, взрывается от смеха. Все хохочут.

Лиза. Да ну тебя! (Смеется.) Это надо нашим бабам рассказать. «Все равно, говорит, в понедельник обратно». Это точно!..

Валентин. Ага! (Играет.) Глянул: не ихний. А, говорит, ладно, все равно...

Снова хохочут. Маша заливается.

Машка, перестань!.. Ну, смешинка в рот попала!

Лиза. Да ну вас совсем! Я ушла... Ну вот, так и знала. Будете здесь потешаться. (Одевается.) Ах, черт, забыла зашить! Ну, теперь в вагоне... (О шинели.) На ладан дышит. Все ждала: сын вырастет, выучится, станет мать одевать... Где уж! Теперь разве о матери думать?..

Валентин. Ну, мам! Все будет!

Лиза. Да ну, Валя! (У нее резкий переход от смеха почти к слезам.) Пять лет тяну вас одна, тебя до института довела. Легко, что ли? Не хулиган, студент, отличник! А пришла девчонка и увела... Правду говорят: маленькие детки – маленькие бедки... Она-то что себе думает, она-то на что рассчитывает?

Валентин. Ну не надо, мама!

Лиза. Я молчу. Смотри сам. Не маленький. А только на меня не полагайся. И рада б помочь, да как? Ну ладно! Марину пораньше возьмите. Белье не забудьте. Суп варите из двух пакетов, гуще будет. С деньгами аккуратнее... (Валентину.) Ты на меня не обижайся. Кто тебе правду скажет, как не мать? У тебя любовью-то этих в жизни будет знаешь сколько?.. Локти станешь потом кусать, да поздно! До любви еще дорасти надо, иметь надо, куда ее принять! А то повернется да уйдет... Ну ладно, голову-то не вешай тоже! Маш, я пошла!.. Про Маринку не забудьте!..

Мать уходит, дети провожают ее. Маша бежит за ней на лестницу, Валентин задумался.

Маша возвращается, роется в шкафчике, отламывает и жует хлеб.

Валентин (машинально). Маш, учи!

Маша (сразу демонстрируя независимость). Я выучила.

Валентин. Ну только не ври. И не таскай куски.

Маша (поет). «Любовь – кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...» Ты сам учи! Ты же у нас способный, тебе учиться надо. Сам велел читать мне «Жизнь замечательных людей». Из-за кого страдали всегда замечательные люди? Из-за этих женщин! Ему надо работать, открытия делать, книги писать, музыку, а он – туда-сюда, она от него, он за ней, он от нее, она за ним! Даже сам Пушкин из-за кого погиб?! Не было замечательных жен у замечательных людей!

Валентин выходит к Валентине, тоже погрузневшей после этой сцены. Пауза.

Она. Она у тебя хороший человек...

Валентин кивает.

Она молодая, она могла бы еще замуж выйти... Им трудно будет без тебя, ты обязан помогать... Мы эгоисты, мы думаем только о себе...

Валентин кивает. Валентина вдруг отходит от него.

Он (спохватывается). Аля! Аля!.. Ты куда? Ты что?

Она. Ничего.

Он. Почему ты так?

Она. Как?

Он. Не надо!.. Ты только не думай об этом. Мы будем вместе, и все будет хорошо. Честное слово! Видишь, у нас дружно, вместе нам ничего не будет страшно. Мы горы свернем.

Она. Шею мы свернем... Ей пальто надо купить.

Он. Купим! Я сам куплю! Я на разгрузке заработаю...

Она. Ты неделю в себя не можешь прийти после этой разгрузки.

Он. Ерунда! Я сессию сдам, повышенную получу, увидишь!

Она. Зачем мы с тобой в кафе шесть рублей истратили?..

Он. Зола, Аля! Подумаешь... Куда ты?..

Она. Я пойду. Не ходи за мной.

Он. Алечка!

Она. Не ходи, не надо!

Он (робко). Но ты придешь?

Она. Да ну!

Он. Аля!

Она. Не трогай меня сейчас... На! Я написала тебе письмо.

Он. Плохое?.. (Испуган.)

Она. Не знаю, прочтешь...

Он. Аля!

Она. Не ходи, не ходи... (Убегает.)

Валентин возвращается к себе, читая по дороге письмо, то улыбаясь, то страшась его.

В комнате Маша учит уроки. Играет радио.

Валентин. Маш! Ты бы заканчивала все в темпе, и тогда...

Маша. Можно гулять?.. Ура!.. А в кино?

Валентин. Договорились же: кино – в субботу.

Маша. Да ну, «в субботу, в субботу»!.. Ну, один раз!

Валентин. Ладно, посмотрим, учи. (Садится тоже с учебником. Ему не читается.)

Входит Катюша, соседка, некрасивая милая девушка. В руке чашка.

А, Катя, привет!

Катя. У вас маслица подсолнечного нет немножко?

Валентин. Посмотри, наверное, есть.

Маша (из комнаты). Катюш, это ты?.. Я к тебе зайду потом.

Катя. Заходи... Тетя Лиза уехала?.. Тут есть, я отолью чуточку, Валя, ты, если хочешь, иди к нам занимайся, я в ночную ухожу...

Валентин. Спасибо. Мама уехала, ничего.

Катя. Валя, мы в деревню едем, я отгул беру, у нас Ольга замуж выходит.

Валентин. Я слышал.

Катя. Они и тебя звали. Они тебя помнят, как мы с тобой в Первомайке были...

Валентин. Да, хорошо бы! Но сессия, сама понимаешь.

Катя. А то поедем. Знаешь, как в деревне зимой! И Валю твою можно взять, если захочет.

Валентин. Да нет, Катюш, ну что ты! (Понизив голос.) Ты мне лучше, знаешь, ключ оставь. Когда уедете.

Катя. Конечно. (Стоит и смотрит на него.)

Валентин (читает). Ты что?

Катя. Нет, ничего... Я пошла, спасибо.

Валентин. Не стоит... Топай, топай, Кэт, видишь? (Показывает толщину книги.)

Катя. Как бы ты отдохнул в деревне...

Валентин. На пенсии будем отдыхать!.. Гуд бай!..

Катя выходит и почти сталкивается на пороге с Валею. Обе напряженно кивают друг другу.

Маша с возгласом: «Кать, подожди!» – выбегает из комнаты и останавливается,

видя Валю.

Валя. Это я. Здравствуй, Машенька!..

Маша. Здравсте.

Валентин. О, ты зашла, молодец!.. Маша, работать! О чем мы договорились?

Валя. Я на минуточку. Такой холод, ужас!

Валентин. Раздевайся, раздевайся, у нас тепло. (Помогает раздеться, пытается поцеловать, показывает, что Маша скоро уйдет.) У нас мама только что уехала. (Будто она этого не знает.) Ты есть не хочешь? А чаю?.. Вот сейчас согреешься... (Зажигает газовые конфорки, хлопочет.) Ты из института? Ну как коллоквиум, все о'кэй?..

Валя. А, не говори! Мухин был. Он вообще любит меня выдергивать, ему нравится, как я отвечаю, но со мной сегодня что-то странное было. Он меня вызвал, а я говорю: «Я устала, Борис Палыч». И села. Представляешь? У него прямо челюсть отвисла. И ребята смотрят, ничего не понимают. А я села, и все.

Валентин. Красиво!

Валя. Не говори! Инглиш нам на шестнадцатое перенесли... Как я вообще буду эту сессию толкать – не представляю...

Валентин. Может, я тебе что сделаю?

Валя. Ты свое-то успеи.

Валентин. За меня не волнуйся!

Входит Маша.

Маша. Я все!

Валентин. Быстро! А если проверить?

Маша. Проверь!

Валентин. Ох, Маня!.. Ну ладно, поскольку обещал...

Валя (с улыбкой). Маша растет не по дням, а по часам.

Маша. По ночам. Человек растет в горизонтальном положении.

Валентин. Стесняется, дурочка, своего роста. Скажи ей, что это чепуха.

Маша. Хорошая чепуха! Тебе бы!..

Валентин. Мне-то не помешало бы!...

Валя. Моя бабушка говорит, что женщина должна уметь превращать свои недостатки в достоинства. Самое главное, самой не думать, чувствовать себя свободной. Понимаешь?..

Валентин. Машка, я боюсь тебе пятерку давать.

Маша. Ну уж! Что я, сдачи, что ли, не принесу?

Валя. Я дам, Валя! (Быстро дает рубль.)

Валентин. Ну конечно! Мало, что ты за меня всегда платишь...

Валя. Как не стыдно! Бери, Маша! Еще на мороженое хватит.

Маша. Сенкью, мисс Валя! (Уносится.)

Валентин (вслед). Потом сразу домой... (Тут же бросается к Валентине, целует.)

Она. Подожди! Ну подожди минутку! (О Маше.) Она не догадывается?

Он. Ну что ты! Ребенок!

Она. Ничего ребенок!.. Вот так и про нас думают, что мы дети... Подожди, я что-то так устала...

Он. Хочешь, ляжь, полежи...

Она. Не ляжь, а ляг... Подожди, Валь...

Он. Ну, что ты такая? Не надо ни о чем, а?.. Я так по тебе соскучился, я тоже тебе письмо писал сегодня... я не могу!.. Будто сто лет тебя не видел... Знаешь, я понял: любовь – это когда невозможно не видеть. Просто тоска съедает. Кажется, еще день не увидишь – дышать не сможешь... Да? И у тебя? Я еще заметил: я не

думаю о тебе только тогда, когда я с тобой, а так – все время, каждую минуту...

Она. Я засыпаю, просыпаюсь, и только о тебе... Хожу, ем, сижу на лекциях, а сама... Я уже давно ничего не слышу на лекциях.

Он. Точно, точно... Сколько я книг прочел, сколько фильмов, и даже влюблялся вроде иногда, но что я знал?.. Это гениально, что мы встретились, а?.. Вообще-то я всегда мечтал, конечно, хотя, как все ребята, смеялся: какая, мол, любовь, глупости! А она вон какая! Вот она какая! Вот!..

Она. Подожди, Валечка! Она такая, что мне страшно.

Он. Не бойся... А помнишь, как я не мог дотронуться до тебя, мне казалось: как же так? Я оскорблю тебя этим...

Она. Говорил мне «вы»!.. А я каждую минуту мечтала, чтобы ты меня хоть раз за руку взял... И я ведь первая начала?..

Он. Конечно! Тогда, в кино, помнишь?.. (Весело.) Я вообще, между прочим, ни при чем!..

Она. Ага, правильно бабка говорит: мужчины стали как женщины, а женщины – как мужчины.

Он. Ну-ну! А кто тебе яблоко первый дал?.. Никогда не забуду! Тогда, утром, помнишь? Ты шла все медленнее, медленнее, помахивала своей папочкой и смотрела на меня...

Она. А ты поравнялся и сказал: «Девушка, хотите яблоко?» Как змей-искуситель.

Он. Глупенькая!.. Как Парис...

Она. Смотри, у нас с тобой уже длинная какая история!.. Мы с тобой, по-моему, сто раз вспоминаем про эту нашу первую встречу.

Он. И не надоедает...

Она. Ага. Кто-то сказал: влюбленные не надоедают друг другу, потому что говорят только о себе.

Он. Алечка!.. (Целует ее руки, сидит у ее ног.)

Она. Подожди!

Он. Она не придет, не бойся...

Она. Сейчас, подожди... А ты всегда так знакомился с девушками?..

Он. Я? Я вообще ни с кем не знакомился.

Она. Ой! Поклянись, что ничего не было у тебя!

Он. Я уже клялся, ты что?

Она. Еще клянись!.. Эта какая-то Леночка в туристском лагере, Катюша эта, твоя соседка! Ну?

Он. Ты с ума сошла! Катюша? Смешно!

Она. А эта красавица Дина из твоего класса?

Он. Ну, Дина! Дина – свой человек, ты что?

Она. Нет, нет, ты смотри мне в глаза!.. Эх, развратный ты тип. Ты Дон Жуан, больше ты никто!.. Не смейся!.. Если я еще услышу про эту Дину – не знаю что сделаю!..

Он. Аля, да перестань!.. Какая Дина, какая Катя? Я вообще никого не вижу. Все девушки исчезли из города, никого нет, кроме тебя!..

Она. Не надо, подожди...

Он. Аля!

Она. Подожди, милый...

Он. Аля, ну!..

Она. Ты думаешь только об этом...

Он. Алечка!..

Она. А если случится что-нибудь? Ты понимаешь?..

Он (беспечно, по-мальчишески). Ну, Алечка!.. Ну, родишь мальчика,

подумаешь!

Она. Ты – псих?..

Он. Купим ему железную дорогу. (Целует ее.) Ну!..

Она. Я лучше с моста брошусь.

Он. Аля!

Она. А институт?..

Он (в том же тоне). К черту институт!

Она. У нас ничего нет...

Он. Я заработаю... Ты моя родная...

Она. Ты зарабатываешь! Я не могу позволить, чтобы ты из-за меня...

Он (уже серьезно). Послушай, Аля! Я умру из-за тебя, если надо! Как ты не понимаешь!..

Она. Ты правда меня любишь?..

Он. О! Я не знаю, как об этом сказать...

Она. А если все кончится? По Фрейду, знаешь, любовь длится года четыре...

Он. Какой еще Фрейд? К черту!..

Она. Первая любовь всегда плохо кончается...

Он. Первая любовь не кончается никогда... Аля!.. Ну Аля!..

Свет меркнет, остаются гореть голубые газовые конфорки. Они целуются.

Раздается звонок в дверь. Суматоха. Свет вспыхивает.

Валентина сидит на прежнем месте, Валентин открывает дверь.

Влетает Маша. Делает вид, что не смотрит на них.

Валентин. Маша? Ты что?

Маша (с ходу). Да ну их! Совсем уж! «Детям до шестнадцати... Детям до шестнадцати!» С Соней мы запросто проходим, а с этой Дюймовочкой никогда не пустят, зачем я ее только взяла!

Валентин. Ну-ну, не разоряйся!.. Раздевайся, будем чай пить.

Маша. Да ну! (Отдает Вале деньги.) Сенкью, мисс Валя.

Валя. Доун мэншн, мисс Маша. (Встает.)

Валентин. Ты что? Ты куда?

Маша отходит.

Валя. Мне пора.

Валентин. Ну что ты! Выпьешь чаю и пойдешь.

Валя. Уже поздно, Валя.

Валентин. Ну что ты, что ты! Маш, а что сегодня по телеку? Сбегала бы к Оле своей.

Маша. Я с ней уже неделю не разговариваю.

Валентин. Что это? На какой почве?

Маша. На почве – врать поменьше надо.

Валентин (шепотом). Ну я прошу... Подожди...

Валя (тоже шепотом, едко). Оставь. Это противно все. (Быстро одевается.)

Валентин тоже берет свое пальто. Маша выходит и смотрит на них с порога.

(Наигранно.) Гуд бай, мисс Маша! Не огорчайся и не бери в другой раз Дюймовочку...

Маша. Куда же вы?.. Я к Катюше, она обещала мне по русскому... (В руке ее учебник, она проходит, потупясь, между Валентиной и братом.)

Валентина коротко плачет, уткнувшись в стену, потом выбегает.

Валентин идет за ней, и они снова оказываются на улице. Мороз, фонари, грохот

города.

Он. Я тебе говорю, нам надо расписаться. Поставить всех перед фактом. Тогда хоть не надо будет скрываться, врать, все портить...

Она. Это самое унижительное – вранье.

Он. Я переведусь на заочное, пойду работать. Скоро нам дадут квартиру. Проживем, не бойся. И не такие уж это большие жертвы за нашу большую любовь. Люди умирали ради любви!.. У нас ведь любовь, это не шутки, другие бы отдали за такую любовь не знаю что, понимаешь? А мы сами готовы закопать ее в землю. Ты слышишь?.. У нас с тобой еще вся жизнь впереди! Уедем куда-нибудь, будем работать в одной школе, ты будешь мучить ребят своей математикой, а я историей. А потом я напишу диссертацию.

Она. Ох, ничего не известно!

Он. Валя, ты что?

Она. Нет-нет, это все потому, что я такая! Я дура, я несовременная! Надо относиться ко всему легко и просто, надо на все наплевать! Другие ни о чем не думают, живут сегодняшним днем! Моя Тамарка смеется надо мной, она выучилась после школы на парикмахершу, стала самостоятельная, у нее есть деньги, она одета, обута. И правильно она говорит, что я не знаю жизни, что в жизни все не так. Надо жить, и быть счастливой, и не задумываться... А я измучила и тебя и себя... Мне хочется быть с тобой всегда, и работать вместе, конечно, и чтобы у нас был дом, и дети, я бы так все устроила, я каждый вечер перед сном мечтаю, как бы я все устроила, я ведь умею, меня бабка всему научила... Может, меня не так воспитали? Может, я просто собственница, мещанка? И я не могу, пойми!.. Это унижительно, это стыдно! Мы даем девочке рубль, чтобы она ушла из дому, и делаем вид, что она ничего не понимает. А потом она будет так же делать, да?.. Ты говоришь: любовь! Но из-за любви люди убивают друг друга, делаются как звери, разве так не бывает? А я хочу быть человеком, я хочу гордиться своей любовью, я хочу нести ее как корону на голове, а не как проклятый крест на плечах. Я не хочу, чтобы она раздавила нас!.. Прости меня. Прости, что я такая. Тебе тяжело со мной...

Он. Не говори глупости. Я что-нибудь придумаю... Я посоветуюсь с ребятами...

Она. Но я не могу иначе. Ты же видишь...

Он. Я все сделаю, чтобы тебе было легко.

Она. Ты можешь прогнать меня, бросить...

Он. Аля!..

Она. Я не обижусь, я пойму...

Он. Иди, тебе надо отдохнуть... Главное, нам с тобой держаться, понимаешь? Не отчаиваться, не сломаться. Ты меня любишь?..

Она (устало). Да.

Он. И я тебя. Это самое главное... Ну иди...

Она. Завтра в шесть? У маленького метро?

Он. Да... Но если хочешь, отдохни, не приходи...

Она (испуганно). Что? Почему?

Он. Нет, я так... просто из-за тебя...

Она. Чем страшнее, чем невозможнее, тем сильнее я хочу видеть тебя. Еще ночь, день... боже мой!

Он. До завтра!

Она. До завтра! (Уходит.)

Валентин стоит, думает, идет. Мы попадаем вместе с ним в комнату, где собралась компания молодых людей, которых мы видели в прологе. Это бывшие одноклассники Валентина, студенты и рабочие.

Среди них выделяются: Очкарик – девушка в очках; красивая Дина; строгий Карандашов; друг Валентина Бухов – тот самый паренек, который брал интервью о любви.

Очкарик. Стая, тихо!.. Тихо же!.. Бухов, у тебя все?..

Бухов. Да! Не я против, а Карандаш, как всегда.

Карандашов. Почему – как всегда? У меня свое мнение. В отличие (несколько презрительно) от стаи.

Очкарик. Карандаш, ты потом скажешь!.. Бухов, все?

Бухов. Все! Я только повторяю: здесь все нормально, и юридически и граждански...

Карандашов. Вот только не надо о гражданственности!

Бухов. Хорошо! Даже биологически, если хочешь! Сейчас ускоренное развитие!

Первый студент. Акселерация. Это точно.

Бухов. Это не фактор! А уровень жизни?..

Первый студент. Правильно. В обществе с ростом потребления происходит повышение сексуального ряда...

Бухов. Возьмите социологию, официальные цифры: небывалое количество ранних браков!

Очкарик. Это потому, что люди стали честнее!

Дина. И небывалое количество ранних разводов!..

Второй студент. Чего я-то вот не влюблюсь, а?.. У нас в цеху одни девчата, а я – никак!

Третий студент. Дайте сказать!..

Карандашов. Ох, до чего лучше иметь дело с ЭВМ! Машина, а умней вас всех в миллион раз! Скажите проще: развивается потребительское отношение к жизни, и обыватель его культивирует. Вместо того чтобы давать обществу, хотят от него только брать!..

Бухов. При чем здесь Валька и его любовь?..

Дина. Он думает, все можно рассчитать на машине!..

Карандашов. При чем? А при том! Потому что мы наблюдаем роль любви в превращении человека в обезьяну. Спокойно!.. Был человек, работал, отлично поступил, отлично учится, есть цель, есть способности. Хотя сидит на шее у матери и имеет еще двух сестер. Все нормально... Но вдруг, видите ли, начинается любовь – и все летит к черту. Ах, люблю, и все! Трава не расти! Любовь – центр мироздания, центр существования, все остальное – побоку!..

Первый студент. Экзюпери отлично сказал: «Любовь, одна любовь – какой тупик».

Очкарик. Ну уж, Экзюпери не мог так сказать...

Второй студент. Да какая любовь? Где это любовь?..

Третий студент. Дайте сказать, а?

Карандашов. Тысячи лет всякие недоумки воспевают людей, которые умирают от любви, стреляются, бросаются с башен...

Бухов (всем). Это Шекспир и Пушкин недоумки!..

Карандашов (продолжая). И вот льют над ними слезы, жалеют, плачут, стенают! Ах, Ромео и Джульетта!.. Ах, кто там еще? Тахир и Зухра, что ли?..

Бухов. Карандашу апломб вечно заменял образование! (Перечисляет.) Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Дафнис и Хлоя, Зигфрид и Кримгильда, Франческа и Паоло!..

Очкарик. Онегин и Татьяна!..

Бухов. Фауст и Гретхен! Эгмонт и Клерхен!.. Хватит?..

Дина. Потрясно, Бухов!

Второй студент. Шапошников и Вальцев!

Очкарик. Все-таки в гуманитарных вузах больше влюбляются: ну что наше химическое машиностроение? Сушь!

Карандашов. Насчет моего апломба и образования не будем. Вам нравится – пожалуйста! А по мне – это глупость, и я могу только презирать человека, который распадается и гибнет от любви!..

Дина. Ой, как бы я распалась и погибла!..

Карандашов. И грош цена такой любви, которая заслоняет человеку весь свет! Это патология и распущенность! Интеллектуальная, эмоциональная, какая хотите! Не может самая распрекрасная возлюбленная заменить человеку весь мир, не может!..

Бухов. Но и мир, как сказал поэт, не может ее заменить.

Первый студент. Зачем такие полюса? Вот мы были летом в стройотряде, и там у нас тоже, например...

Второй студент. Да кого любить-то, кого?..

Третий студент. Дайте сказать! Очкарик!..

Карандашов. Я еще могу понять, когда какая-нибудь дура, у которой нет в жизни никаких интересов...

Дина. Это он про меня.

Карандашов. ...жрет десять таблеток снотворного оттого, что ее не любят. Но кто из вас может представить умирающим от любви Эйнштейна? Маркса? Ньютона?

Первый студент. Ну, почему? Маркс, например...

Бухов. Ты путаешь «рацио» и «эмоцио»!..

Карандашов. Да не бывает никаких ваших обезьяньих «эмоцио» у разумного человека! Это только дети живут чувствами! И нелепо почти в двадцать лет бегать в коротких штанишках! Нам и без того прожужжали все уши, что мы инфантильны, безответственны, что ничего нас не интересует. Не о любви надо думать, а о деле! Дел много, дел!..

Бухов. «Суров ты был, ты в молодые годы учил рассудку страсти подчинять»...

Карандашов. А, без толку!.. Вас научишь!..

Бухов. А я вот где-то прочел недавно: один старичок француз гордился тем, что всю жизнь любил женщин. А больше ничего не делал. И вся жизнь на это ушла!..

Второй студент. Ну, так французы вообще...

Дина. Как будто у нас нет таких старичков...

Карандашов. Ох боже мой!..

Очкарик. Карандаш и тут против!..

Карандашов. А что за охота повторять пошлости? У французов была великая революция, Коммуна, у них в Пантеоне лежат лучшие умы мира, а их все – жуирами!.. Скажешь: «француз», и уже улыбочка, скажешь: «француженка», и уже черт знает что!

Третий студент. Дайте мне сказать, братцы!

Первый студент. Послушайте, что мы все о любви да о любви! Кто читал «Сумму технологии»?

Очкарик. К делу! Ближе к делу! Мы собрались помочь или болтать? Если десятый «А» еще что-то значит для Вальки...

Карандашов. Надо поступать честно, а честные люди делают это не так!

Бухов (Карандашову). Может, хватит обличать?.. (Всем.) На самом деле! Как говорил Буратино черепахе Тортилле: тут не ругаться, тут помочь человеку надо.

Третий студент. Мне слово, мне!

Карандашов. Я вообще могу уйти...

Второй студент (вдруг смеясь). А кто мультик смотрел про черепаху?

Укатаешься! Очкарик! Химик! А ты смотрела?

Очкарик. Да погодите вы! Ничего я не смотрела!.. Валя!..

Валентин (встает). Ну ладно, братцы!.. Спасибо, что посотрясали воздух в мою честь. Разберемся сами...

Все умолкают.

Очкарик (обиженно). Ну, я не понимаю...

Дина. Ну а что, в самом деле? Кричим, кричим, а толку? Слушать, что ли, как Карандаш мораль читает? (Карандашову.) Когда у тебя будет жена, ты ее по полочкам разложишь?

Карандашов. Я сначала заведу полочки.

Очкарик. Перестаньте! Не хватало еще всем переругаться!

Валентин (Бухову). Потопаем?

Бухов. Сейчас... Эх, братцы, братцы! Что же делается-то, а? Вспомните, какая была стая!.. Мы были беспечные, веселые, мы ржали и дурачились с самого утра, все уроки подряд! Мы никогда не расставались, мы на самом деле держались как стая! Я всегда мчался в школу, как Валька теперь на свои свидания. А ты, Валька? Ты же был веселый, легкий человек! От любви, как говорил товарищ Маяковский, надо мосты строить и детей рожать, а ты тоже! Эх, стая! Не успели вылететь на волю, а уже холодно, уже неуютно нам? Ветер и дождь? А что ж дальше будет? Будем сидеть в тапочках у телевизора и ругать своих детей за двойки? Будем приходить в школу по одному, по два, как приходят теперь бывшие десятиклассники через десять лет?.. И не будем детьми, не будем жить чувствами, как призывает нас к тому Карандаш?.. А чем мы будем жить, пищеварением? Но оно, между прочим, тоже зависит от чувств!.. Мне скучно на вас смотреть. Человек влюбился, а мы устраиваем панихиду. И он сам сидит как покойничек. Вместо того чтобы петь! Вместо того чтобы устроить свадьбу! Ромео и Джульетта! Дафнис и Хлоя! Да неужели мы хуже этих средневековых пацанов, неужели мы не заслуживаем поэм и трагедий о нашей любви? Разве не так же стучат наши сердца, разве не тридцать шесть и шесть в нашей крови? Прокаженные мы, что ли, или уроды? Если бы я влюбился и меня запустили бы в космос, то я (откидывается, как космонавт, в кресле) ...то я бы сказал: «Земля! Земля, ты слышишь меня? Земля, я так люблю эту женщину!»

Дина. Бухов! Солнышко! Правильно!..

Очкарик. Вот!.. Действительно!..

Бухов. Даю со стипендии десятку и предлагаю обмыть это дело сразу после сессии!

Голоса. Правильно!

– Ура!

– И я даю!

– Дайте сказать!..

Карандашов. Да остановитесь вы! Не будьте толпой-то!.. Проклятье какое-то!.. (Бухову.) То-то я смотрю, не зовут тебя в отряд космонавтов: догадываются, что ты будешь кричать оттуда глупости...

Дина. Ты надоел!..

Карандашов. Вы мне не меньше!.. (Валентину.) Влюбляйся, женись, но отвечай за это! И не обременяй своими любовями других! Можешь ты сейчас бросить институт, идти работать, снимать комнату, лишиться материнской помощи? Тогда валяй! Сломай все, уткнись в бабью юбку и живи!.. А через годик-другой я на тебя посмотрю!

Очкарик. Правильно! Именно это и надо делать! Перевестись на заочное, пойти работать, снять комнату.

Второй студент. Из-за чего это надо делать-то все?..

Первый студент. Только не следует хотя бы до конца института заводить детей.

Третий (прорвавшись наконец). Вот! Вот я это же самое хотел сказать!

Очкарик. Тише!

Бухов. Да об этом и идет речь. Конечно, Валька пойдет работать и снимет комнату, и вообще... Я займусь комнатой! Все!

Первый студент. Правильно! Это конкретно. Я могу продать кое-какие пластинки.

Второй студент. Я с полочки двадцать рэ могу дать!

Валентин. Ребята, да перестаньте!..

Очкарик. Да почему? У нас, например, есть детская коляска.

Карандашов. «Детская коляска»!.. Ну ладно, я ушел, я не могу больше слушать этот бред! Пока! (Валентину.) Если я получу повышенную, могу дать тебе пять... нет, семь рублей.

Бухов. Он обойдется.

Валентин. Спасибо.

Карандашов. Спаси бог от этой любви! (Уходит.)

Дина (вслед ему). Деревяшка!.. Очкарик, сделай список, потом соберем со всех.

Очкарик. Бухов, мы с тобой оргкомитет...

Голоса. Все ясно, идем!

– Братцы, когда соберемся?

– Валь, не тушуйся, не пропадешь! Звони!

– Старичишки, мы уж дошли, по три месяца не видимся!

И опять, словно стая, срываются, прощаются, уходят. Все расходятся, разбегаются. Валентин идет к тому месту, где должна быть Валентина. Но ее нет. Он волнуется. К нему подходит Дина. Они идут вместе. Телефон-автомат. Он просит Дину позвонить.

На другом конце сцены Бабка идет к телефону, пыхтя и бормоча.

Валентин. Позови ее женским голосом.

Дина. Попросите, пожалуйста, Валю.

Бабка. Вали нет... Это кто так поздно-то?..

Дина показывает, что Вали нет, Валентин удивляется: спроси, где она?

Дина. А где она? Не скоро будет?..

Бабка. Да это кто? Она в гостях с Женей.

Валентин. Скажи, Тамара.

Дина. Это Тамара.

Бабка. Тамара? Что-то я твой голос не узнаю... Женя ее куда-то потащила... Она разве не к тебе прическу ходила делать?..

Дина. Что?.. Я простудилась немножко... Прическу?.. Да, вообще-то...

Валентин нажимает рычаг.

Бабка. О, прервали! Оглашенные!.. Кавалеристы!..

Дина. Хоть научил бы заранее, что врать! Ну чего ты?..

Валентин. Не понимаю, где она...

Дина. Ну ладно... Ревнуешь, что ли?..

Валентин. Да при чем тут – ревнуешь?.. Прическу, говорит, делала?..

Дина. Ого! А ты суровый муж будешь. Никуда жену не выпустишь.

Валентин. Да ладно тебе. Пока!..

Дина. Ты куда? Пойдем ко мне!

Валентин. Да нет, поздно.

Дина. Перестань! Предки обрадуются, они ж тебя любят.

Валентин. Да нет. У меня Машка одна...

Дина. Ну перестань, перестань, не заводись. Никуда она не денется. От меня еще позвоним. Идем! (Увлекает его за собой.)

Валентин на секунду приостанавливается и видит следующую картину: Валентина, нарядная и причесанная, сидит где-то в каком-то доме, скажем, на подоконнике, болтает ножками, а рядом стоит морской офицер, «каплей», капитан-лейтенант, веселый и молодой, которого зовут Саша Гусев. Издалека музыка и голоса веселящейся компании. Валентин смотрит и слушает.

Гусев. Ну бросьте, ну уважьте военно-морской флот! Всего полчаса дела! Берем мотор, заезжаем за моим чемоданишком в гостиницу, потом на аэровокзал, шефу велим подождать, и он отбуксирует вас домой в целостности-сохранности. Ну Валечка!..

Валя (смеясь). Да ну, Гусев! Вы с ума сошли!..

Гусев. Чокнулся слегка!.. Но представьте: как моряку приятно будет, что его проводила такая красивая девушка! А? Прихожу в кают-компанию и говорю: старики, говорю, какая девочка меня провожала, шоб вы знали!..

Валя. Ну, Гусев, ну я же вам говорила: мне вообще военные не нравятся.

Гусев. Эх, Валечка!.. Ну что вы знаете про военных? Откуда вам знать! Вы ж думаете, что все военные жлобы, все серые, как туман, тупые, неинтеллигентные люди?..

Валя. Ну почему, у меня отец военный...

Гусев (продолжая). Ай, шо вы знаете!.. Спросите Славку, мы с ним вместе кончали Бауманский, а в это лето он жил у меня, извините, с вашей сестричкой, в Севастополе. Спросите Славика, какая у Сашки Гусева библиотека, – все подписные есть! Спросите, какие записи, какие пластинки! Жаль, пианино нет, я бы вам оторвал такого Чайковского, вы бы закачались! У нас в Феодосии есть художник, Зяма Пирогов, – спросите, кто у него купил картину под названием «Миндаль»? Вот такусенькая картина, как тетрабочка, а Гусев отдал за нее пол месячного жалованья. А сказать, какое у меня месячное жалованье?.. То-то, рыбочка, вы не знаете военных, не надо говорить!

Валя. Вы смешной! Я ничего и не говорю! И вы мне как раз нравитесь!

Гусев. О, другой разговор!.. А чего ж вы не захотели со мной танцевать? И вообще сидели такая?.. Чтобы молоденькая девушка не хотела танцевать? Конец, света!

Валя. Я не знаю военных, а вы не знаете молоденьких девушек.

Гусев. Один – ноль в вашу пользу! Это факт. Но откуда мне их знать? Мне, между прочим, тридцать лет, у всех наших девочек вот такие дети, и все они стали шире себя... Но вообще я имею дело с хлопцами как раз вашего возраста. Ах, какие хлопцы, между прочим! Когда мне начинают капать на голову и говорить что-то такое про нашу молодежь, я всегда отвечаю: извините!.. Знаете, есть такой народ, не доверяют, не верят: мол, мальчики, девочки, чего они могут, все у них несерьезно. Но пока не доверишь человеку дела, не узнаешь, на что он годится. Так?.. Вот такие у меня хлопцы... Конечно, бывает всякое, и армия не карусель с лошадами, но, когда мы идем в поход, я знаю: мои хлопцы будут на высоте. И мы друг друга понимаем – вот так!.. Едем?

Валя. Куда?

Гусев. Как – куда? На аэродром... Вам же все равно не нравится эта компания, я ж бачу!.. Славик – мой друг, а ваша сестра, конечно, в порядке, такую женщину можно ставить в рекламу Аэрофлота, но, между нами, девочками, говоря... Вы не обидитесь?.. Я человек военный, прямой, и вы поймите, я не то чтобы насчет

аморалки, но я тыщу лет знаю Инночку, Славкину жену, и его детишек, и все такое. Вы меня поняли?.. И я бачу, что вам тоже это не по вкусу.

Валя. Вы смешной, Гусев! Вы хороший!

Гусев. Я дико смешной. Животики надорвешь. Особенно когда возвращаюсь из похода... Океан – смешная вещь!..

Валя. Это все-таки страшно, да?..

Гусев. Не страшной войны. Ну-ну! Не будем раскрывать военные тайны, чтобы добиться сочувствия хорошеньких студенток! Приезжайте в Севастополь, выходите за меня замуж, подождите меня с полгодика с моря, – тогда я вам, может, что-нибудь расскажу... Едем, Валечка?..

Входит Женя с бокалом, возбужденная, но не слишком веселая.

Женя. А, вот они где! Тет-а-тет?.. Гусев, я говорила, какая у меня сестричка?

Гусев. Ну?

Женя. То-то! Будь она немножко поумней... Гусев, дай я тебя поцелую! Какие ты мне унты привез!.. Валя, это Гусев унты привез.

Валя. Я поняла.

Женя. Я выйду в них на улицу – все ахнут! Как ты их только достал?..

Гусев. Объявили тревогу по Северному флоту: приехал, говорят, Гусев, за унтами для Жени. И – порядок!..

Женя. Чего-чего? Ничего... Гусев, ты – прелесть! На, отпей. (Обнимает его.) Правда, он прелесть? Ты настоящий англичанин, Гусев, ты мужчина, тебе жутко идет форма!..

Валя. У Жени пунктик: Англия!

Женя. А что? (С иронией.) Как говорит Славик, все на свете начинается с Англии. Гусев, ты мог бы меня полюбить?

Гусев. Теперь все начинается с Москвы, миледи. Я мог бы тебя полюбить как родственницу моей жены.

Женя. Ого! Я вижу, вы не теряли времени даром!.. Никто меня не любит, Гусев, и, главное, я никого не могу полюбить. Может, никакой любви вообще нет? А, капитан?..

Гусев. Конечно, нет, Женечка, какая любовь!

Женя. Вот! Вот и ей скажи то же, Гусев! Любовь! Семечки!..

Гусев. Конечно!.. Берешь стакан семечек, идешь и поплевываешь...

Валя. Ты, может, оставишь эту тему?

Гусев. Тихо, девочки!.. Любви, конечно, нет, но очень хочется, чтобы она была. Ей-богу. Особенно хочется, чтобы она была, когда уже есть все другое. Ах, как хочется! Я был заводной малый, я больше всего на свете любил море и корабли. Я думал: этого хватит на всю жизнь. И этого хватит, да! Я хотел звездочки, я хотел корабль, еще я хотел, чтобы из окна моей квартиры всегда было видно море... Ты знаешь мою квартиру?

Женя. У тебя гениальная квартира!..

Гусев. Ну! У меня гениальная квартира, гениальная служба, вот такие друзья, у меня все!.. Но знаешь, чего мне хочется больше всего? Чтобы пришел человек и взял все это как подарок. Любовь – это когда хочется все отдать, когда ходишь и ждешь: кто возьмет, кому отдать, что еще сделать? Чем еще обрадовать, удивить, украсить? Любишь одеваться? Пожалуйста, будешь у меня как куколка! Хочешь там всякую мебель? Ради бога! Колечки-цацки? Возьми! Не потому, что я тебя покупаю, а потому, что мне приятно, мне хочется сделать для тебя! Все, что хочешь!..

Женя. Как-как? Ничего!..

Валя. А если она захочет луну с неба?

Гусев. Пожалуйста! Это теперь тоже не так уж сложно! Луну! Марс! Белого

медведя!..

Валя. Я хочу белого медведя!..

Гусев. Да? Без шуток?

Женя. Не говори, это же Гусев...

Гусев. Вы хотите? Вы только скажите, что вы хотите...

Валя. Я хочу белого медведя, я хочу поскорее кончить институт, я хочу жить в гениальной квартире, из которой видно море, я хочу сына и дочку, я хочу быть одета как куколка!..

Гусев. Стоп! Все!.. Все лежит вот здесь, в этом кармане! Женя, будь свидетель. Там еще осталось шампанское?.. Сейчас мы выпьем и полетим с Валечкой в город-герой Севастополь! А, Валечка?.. Или я вам нравлюсь, как говорят в Одессе?..

Женя. А что! Вот только так и происходит настоящее...

Гусев. Валечка? Ну?..

Валя. Вы мне нравитесь, Саша. Но я люблю другого человека.

Женя. О господи! Человека!

Гусев. Бах! В самое сердце!

Валя. Гусев!

Гусев. Сейчас, сейчас!..

Женя. Гусев, не умирай! Эти гёрлочки ничего не понимают! Гусев, возьми меня лучше!.. (Вале.) А вы не можете, вам всех надо оповещать?.. Гусев!..

Гусев. Все, все! Норма!.. Глоточек бы, Женечка. Шампанского. Умоляю!

Женя. Сейчас. Не расстраивайся, она у нас немножко того. (Уходит.)

Гусев. Нельзя! Так же можно убить человека!.. Поехали, а то времени уже – все. Фюньф минут.

Валя. Я не поеду. Это правда, Гусев.

Гусев. Да, я понял... Ах, какие подросли интересные девушки! Пять баллов!.. Вот так живешь-живешь, а они подрастают, и у них уже своя компания... Да, восемнадцать лет! Правильно! А разве я в восемнадцать лет был не человек? И разве не знал, чего хотел?.. Да...

Валя. Ну не надо, Гусев!..

Гусев. Нет, я ничего. Все о'кэй!.. Только я всегда ведь думал как? Я думал, что ворвусь однажды в какую-нибудь компанию, а там будет сидеть девушка на подоконнике, болтать ножками. И я посмотрю на нее, а она посмотрит на меня. А потом я скажу: послушайте, крошка, меня зовут каплей Александр Гусев, Саша, и вот я весь перед вами. И у меня никого нет. И, может, мне даже грех заводить семью, потому что я работаю не банщиком, и не зубным техником, и долго-долго не бываю на берегу. Но я думал, что я скажу: поехали со мной, крошка! И крошка спрыгнет с подоконника и скажет: поехали!.. Красиво я думал?.. Ну ладно, не будем! Отставить погружение!.. Опояшем сердце мужеством, как говорит наш командир, – очень, кстати, интеллигентный человек: два института, три языка... Мне пора... А кто он, если не секрет?..

Валя. Один мальчик.

Гусев. Один мальчик!.. Ах, мальчики, девочки!.. Один – это уже много...

Входит Женя с бутылкой вина и бокалами.

О, Женечка! Умница!.. А шампанеи нет?.. Ну ничего, можно и сухонького! (Разливает.) Все о'кэй, девочки, все о'кэй! Виноград, как говорили в одном хорошем кино!..

Женя. Ты смешной, Гусев! Ты расстроился, что ли?..

Гусев. Я жутко смешной! Обхохочешься!..

Женя. Да ты перестань, ты что? Ты приезжай через годик, и девушка уже

забудет, как его звали-то. Все кончается на этом свете!..

Гусев. Нет, вот этого не надо. Пожелаем, наоборот, счастья!.. От души, Валечка! Поверьте каплею Гусеву! Но если вам будет худо, если чего такое, – только свистните...

Женя. «Ты свистни – тебя не заставлю я ждать...»

Гусев. Да! Ну, будем! И пусть, пусть!.. (Пьет.) Все, девочки! Меня нет! Время!..

Валя. Гусев! Я поеду! Я провожу вас.

Женя. Ну конечно!.. Валя!.. Гусев, подожди!..

Гусев. Не стоит, Валечка. Не надо...

Валя. Но мне хочется вас проводить...

Гусев. Ну, если хочется!.. По местам!..

Женя. Не пропадай, Гусев!

Гусев чмокает Женю в щеку, хватает Валентину за руку и выбегает с ней. Валя на секунду приостанавливается, ищет Валентина.

На прежнем месте его уже нет. Где он? И она видит: Валентин полулежит на полу в комнате Дины. Полумрак.

Крутится магнитофон. Дина танцует одна. Гусев отпускает руку Вали, оставляя ее смотреть, что будет.

Валентин. Смешно! Вспомнишь, какими мы были в школе или даже полгода назад, и кажется, елки зеленые, как давно! А ведь думали: мы уже взрослые! Читали взрослые стихи, курили, выпивали...

Дина. Целовались.

Валентин. Да. Рассуждали, судили.

Дина. Вы все про политику...

Валентин. Да. Смешно...

Дина. Слушай, тебе джинсовый костюм не надо? Один чмырь может достать.

Валентин. Обойдусь. (Продолжая.) Дети играют в войну, но это не война. Девочки играют в дочки-матери, но это не семья...

Дина. Он еще сигареты американские достает, а?..

Валентин (не отвечая). А мы играли во взрослых. Но это было не по-настоящему.

Дина. А теперь у тебя по-настоящему?

Валентин. Не знаю. Тяжко мне, во всяком случае, по-настоящему.

Дина. Ты пессимист какой-то стал! А я в туристскую записалась. На июнь в Болгарию. Представляешь? Восемнадцать дней! Золотые пески, Варна! И недорого. Сила? Мы вчетвером записались. Две девчонки из хирургии и мы еще из терапевтического...

Валентин (раздумывая). Все мы в юности малость пессимисты, сказал Горький. Потому что хотим многого, а сделать можем мало. Отлично сказано!

Дина. Ну, мы дадим там шороху! Там иностранцы всякие, бары, танцы всю ночь! Одно слово – юг!..

Валентин. Как я всегда завидовал ребятам, которые уже что-то делают, работают, за что-то отвечают. Кому-то нужны. А мы: стая! Стая! Дурака валять, образ Печорина, объем наклонного параллелепипеда, и все легко, никакого пота, никаких мозолей!..

Дина. Серьезный ты стал – жуткое дело! Молодость дается один раз, Валя! Побудем молодыми-то!..

Валентин. Игра кончилась, началась жизнь. Потому что надо отвечать. Хотя бы за одного человека...

Дина. Жизнь, жизнь! Ну и хорошо, что жизнь! Ты так говоришь, как будто какая-то каторга началась. Ну вот я работаю в больнице. «Мы с Тамарой ходим парой,

мы с Тамарой санитары!» Утки и горшки выносим, клизмы ставим, дежури́м. Это вам не КВН и не кино «Дворянское гнездо». Ну и что? И противно бывает, и дел вагон, и все такое. Но жизнь-то красота! Все есть, все достать можно, одеться! Поехать, поесть, чего хочешь! О-ля!.. Юг – одно слово!

Валентин. А, перестань!.. Я хочу понять: готов я или нет?..

Дина. К жизни, что ли?.. (Смеется.) Как будто тебя будут ждать: готов ты или нет?.. Вот вы умные-умные, а дурачки все-таки! Ну чего ты тоску-то разводишь? Прямо смотрю на тебя, и страх берет: мне тоже охота влюбиться, очень, но если оно так вот все будет – извините. Лучше чего попроще. А то вот так врежешься тоже в мальчика и – «Я вам пишу, чего же боле!». Еще замуж надо будет идти! А зачем замуж? Пеленки стирать? Я в больнице за год наслушалась, насмотрелась, – больница как энциклопедия, все узнаешь.

Валентин. Да ладно, Дин, ну тебя!..

Дина. Ну вот, ну! Что я – дуручка, не понимаю! Ну, вы все серьезные, все ребята такие умные, на таких вся земля стоит... А мы-то легкомысленные, мы перебежеся! А? (Танцует, демонстрируя себя.) Дина не урод, Дина не старуха, сейчас мода на таких, понял?

Валентин. Да, ты перебежешься.

Дина. Можете не волноваться! У нас один молодой хирург, Аркадий Иванович, когда я иду по коридору, в обморок падает. Дина, говорит, Сандро Боттичелли!..

Валентин (смеясь). Ты хоть знаешь, кто такой Боттичелли-то?

Дина. Не волнуйтесь! Купили альбомчик!.. Теперь все всё знают. Вот Нефертити (показывает на стены и полки), вот вам Боттичелли! Есенин – пятитомничек, Марчелло, Ален Делон, а это, между прочим, автограф самого...

Валентин. Пушкина?..

Дина. Дурачок! Муслима! Муслимчика!..

Валентин. Это кто?..

Дина. Муслима не знает! Ну даешь!.. Жизнь, жизнь! Ну, ты совсем жизни не знаешь!..

Валентин. Ох, какой была, такой ты и осталась! В каком это ты классе Африку-то не могла на карте показать? В восьмом?

Дина. В девятом! Но это не важно! Пока вы ее будете тут показывать, я уже туда съезжу, своими глазами погляжу!

Валентин. Не удивлюсь.

Дина. Вот-вот! Аркадия Ивановича как пошлют туда – у нас уже четверых посылали, – и привет!..

Валентин. Ну ладно, Боттичеля, я пойду.

Дина. Сиди, чего ты!

Валентин. Спасибо!

Дина (вдруг). Если бы меня кто так полюбил, я бы не знала что сделала! Я бы на край света пошла! Вы думаете: Дина дура, Динка легкомысленная, троечница была, троечницей осталась... Эх!..

Валентин. Ну чего ты?..

Дина. Да ничего! А ты... ты радуйся. Что ты уж совсем так.

Валентин (усмешка). Я радуюсь.

Дина. Я вижу... Ладно, а приведерчи, мне завтра к семи...

Валентин. Счастливо. Розу из Болгарии привези, там розы знаменитые.

Дина. Юг! Одно слово!

Валентин уходит. Вбегает в телефонную будку. На другом конце трубку берет Мать Валентины.

Она в очках, халате, с машинописными бумагами в руках.

Мать. Алло! Алло!.. Я слушаю!.. Нажмите кнопчку!.. Женя, Валя! Если это вы, перезвоните! Вам пора домой!

Валентин вешает трубку. Идет к тому месту, где должна быть Валентина. Ее нет. Холодно. Холодный свет фонарей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Валентин и Валентина в чужой маленькой комнате. Это комната Катюши, соседки.

Валентина лихорадочно наводит порядок, хотя и без того все, кажется, на месте. Валентин в рубашке, она бросает ему его свитер.

Оба их монолога могут быть обращены друг к другу, но Валентин может обращаться и к кому-то из друзей, скажем, к Бухову, или просто к зрителям.

Он. Я ничего не понимаю! Всю неделю ты потихоньку уносила в портфеле вещички из дому, прятала их здесь, мы оба смеялись, хотя мне, ты знаешь, неприятна была эта конспирация. Вчера ты на все решилась, не пошла домой, послала туда Тамарку, что ты, мол, не придешь ночевать. Мне тоже не понравилось: потому что надо было пойти нам вместе, самим все сказать... Но ладно! Ты решилась, и тебе стало легко, вспомни, какая ты была веселая!.. Ты была прекрасная вчера, смелая, простая, – кажется, никогда я тебя такой не видел. И я прибежал, сказал обо всем маме. И как она реагировала? Она хоть чем-то показала, что ей тоже нелегко? Она просто поцеловала тебя и сказала: ничего не бойся, если решили. Так? И нам было страшно, но весело. И мы еще помчались на концерт, слушали музыку, ты мне купила апельсин в буфете... И я привел тебя в эту комнату. Куда же я мог тебя привести? И что ты теперь мечтаешь? Ты же знала, куда идешь, ведь так? Ты на минутку испугалась, когда увидела здесь свет, но это горела настольная лампа, для нас... Это мать взяла ключ и все устроила. И даже положила для тебя свою ночную рубашку – самую лучшую, между прочим, какая у нее есть. И вчера у тебя хватило души оценить это, быть благодарной матери... И ты обо всем забыла, вспомни, как ты забыла и ничего не боялась!.. Никто не пришел, никто нас не тронул... Зачем же, а? Ты понимаешь, что теперь уже не кто-то другой, а мы сами можем все испортить? Почему ты стала такой? Что случилось, Валя?

Она. Да-да, все так. Я счастлива и никогда не забуду эту ночь. Но неужели ты ничего не понимаешь? Я думала, что ты и я – одно, что ты все ощущаешь так же, как я, и не надо даже говорить и объяснять. Но, видишь, каких-то вещей и ты не понимаешь, и мне страшно от этого, потому что тогда остаешься одна... Неужели ты не понимаешь, чего мне стоило это «вчера»? Мы перешли Рубикон, как ты сказал, но ты историк, а не вдумался, что ли, в то, что значит перейти Рубикон? А чего мне стоило таскать потихоньку вещи из родного дома? Тебе не нравилось, но что ты мог предложить? Купить мне все новое, все другое?.. И я не могла иначе. Я уже погрязла в этом вранье! Ты сейчас будешь меня презирать, но я не посылала Тамарку, я тебя обманула. Я сама позвонила домой из Концерта, пока ты курил, я сказала, что готовлюсь к зачетам у Сонечки и, может, заночую, а телефона у Сонечки нет. И нарочно дула потом в трубку, как будто телефон сломался... Прости меня! Но я не могла им сказать, не могла, что хочешь со мной делай!.. И думаешь, мне легко было, когда твоя мама меня поцеловала, а я знала, что вру, что я не так пришла! И эта рубашка жгла меня потом как огнем!.. Я хотела тебе сказать правду, но ты был такой счастливый, что я уже не могла, я решила нести эту ложь одна... Ты понимаешь, чего мне стоило быть веселой?.. А этот дом? Эта комната, где стоят твои фотографии, куда мы пробирались на цыпочках? Думаешь, мне приятно? Я за всю жизнь ни разу не ночевала вот так, в чужом месте, а теперь у меня больше нет, больше не будет моей

комнаты, моей постели, зеркала, моих вещей, книг, моих детских кукол – ничего!.. Думаешь, это легко? И главное, кто я здесь? Я просыпаюсь в чужом доме, куда каждую минуту могут войти, я боюсь выскочить на секунду даже в коридор – все страшно, стыдно, опасно! Все чужое, чужой запах... Катюша тебя просто любит, она уехала и отдала свой ключ, но, думаешь, я не чувствую ее присутствия, ее взгляда?.. Ужас! Это же ужас, если вдуматься!.. И все это я, все это происходит со мной, с маменькиной дочкой, с бабушкиной Аленькой, с чистюлей, – я же брезгливая, я даже газировку не пью никогда на улице. Бог ты мой!.. Вот что такое любовь, вот она какая, я поняла! Любовь – жестокая и беспощадная вещь, она ничего не щадит, она как пожар на страшном ветру. Она входит в нас словно чума, и нельзя вылечиться. И мы – уже не мы, от нас остается только оболочка: в нас вселился, и размножается, и пирует сумасшедший микроб, который мы бессильны остановить со всей нашей наукой, техникой и мудростью. И если выживешь, излечишься, все равно будешь в шрамах. Где я? Кто я? Разве это я?.. Что это? (Пугается звуков, вдруг донесшихся из-за стены.)

Мы вновь попадаем в квартиру Валентина, в ту же кухню-прихожую. Лиза хлопчет у плиты, а в комнате, за столом, сидят: Рита, ее подруга, тоже проводница, удалая женщина лет тридцати, и с нею ее знакомый, Володя, с гитарой, добрый и хмельной малый.

Володя (с пьяным обаянием). А я потерпекораблекруше... ни-е! (Играет.) «Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это...» Лизочка! Иди сюда! Ты хороший человек!..

Рита. Да что ты нам тренькаешь, старомодина? Ты нам Окуджаву давай! Высоцкого! Евтушенку!.. А ну-ка! Можешь? (Поет.) «А снег повалится, повалится»...

Володя (подпевая). С необ... с необыкновенной быстротой!

Рита (смеется). Чучело ты сибирское! Поглядите на него! Усохнуть! Пой: «И я прочту его конверт»...

Лиза. Да не конверт, Рит! «В его канве»!

Рита. Да ну, в канве! В какой еще канве! Играй, пугало. (Поет.) «И снег повалится, повалится...»

Володя (поет). С очень большою быстротой... (Улыбается.)

Рита. Да ну тебя в прорубь! Все портишь!.. Ну что губы-то распустил? Выпей!..

Володя. А где Лизочка? Хороший человек...

Рита. Ты смотри! Он на тебя, Лиз, глаз положил. Да встряхнись, дядя!.. (Лизе.) Подруга, веришь, вчера полвагона спойл! Гулял как не знаю кто! «Горячее сердце» смотрели? Э! Да вы разве чего смотрите? И для кого только театры сделаны! Я вот везде хожу! Я Олега Ефремова вот так, как тебя, видела!..

Володя. А я потерпекорабле...

Рита. Да соберись, сказали, голубь!.. Веришь, подруга, я вчера по коридору ползала, десятки его собирала, он их так, веером... Эй, сибиряк! Чего ты там строишь-то?..

Володя. Спокойно, девушки! Мы такое строим... Мы – буренцы, буровики!.. А ты кто?..

Рита. Здравствуй! С добрым утром!..

Володя. А! Ты, Риточка, проводница... А Лиза где?..

Лиза (отходит от плиты). Вот я, вот! (Раскраснелась, миловидная, молодая.) А что ж это никто у нас не поет, не пьет! Володя! Это не дело!

Володя. Лизочка!..

Рита. Видала? Глянулась ты ему!.. Ну-ну, ты руками-то не рассуждай! Ну, чучело! (Смеется.)

Володя. Нет, спокойно, я, конечно, потерпе...

Рита. Да ладно тебе, «потерпе», «потерпе»! Аккредитивов еще полон бумажник! И за что им только такие деньжищи отваливают, а?..

Володя. Не в этом дело... Мы – историческое явление. Сейчас мы, конечно, немножко того, но мы в отпуску. А вообще мы добываем сибирскую нефть, Лизочка, мы ее добываем! Мы, Лизочка, можем все!..

Рита. Ну, мне уйти, что ли, совсем?

Лиза. Володя, Володя, я понимаю... Закусите!..

Рита. Да у нее сын с тебя, дядя! Да еще двое! Чего пристал? Приставай ко мне, у меня нет никого!..

Володя. Нет, я Лизочку уважаю!..

Лиза. Володя, Володя!.. У меня сын женится! (Рите.) Может, разбудить их, позавтракают пускай?..

Володя. И замечательно, пускай все женятся!..

Рита. Не трогай, пусть... Да тише ты!.. Неужели такая любовь, Лиз?..

Лиза. Что ты? Я ж тебе говорила: вчера прибегают оба, сами не свои. Мама, говорит, она из дому ушла, что нам делать? Ну посуди, что мне-то? Не выгонишь же!.. Ее-то мать и встречаться ей с моим не велит, совсем уж!..

Рита. Уж твой Валя им нехорош – не знаю, какого еще рожна надо! У тебя золото, а не сын! Не голова – Совет Министров.

Володя. За сына – давайте!.. У меня сын, я сам сын...

Лиза. Я ж вижу: они до предела дошли! Еще натворят чего!

Рита. Что ты!

Лиза. У них там не шала-бола, мать-то не обманешь! Его так и несет, как на крыльях, она тоже – глядит вокруг, а сама не видит, не слышит! Студенты ведь, книжек набрали в голову, все стихи да музыка, он лучше не поест, а цветочек ей на полтинник купит...

Володя. Полтинник? Что такое – полтинник?

Рита. Любо-овь!..

Лиза. Не говори. И что это будет – не представляю себе! Но тоже – травить их, ломать, сама знаешь...

Рита. Ой, знаю я это, подруга! Не дай бог!..

Володя. Любовь должна быть всегда! А то б никого не было.

Рита. Да помолчи ты, тайга!.. Я уж любила, любила и натерпелась через эту любовь, не тебе говорить, и били меня, и мучили, и чуть насовсем не убили, а я как дура, ей-богу! Как в кино про любовь, в театре или по телеку – умираю! А как понравился человек – не могу, и все! Да вспомни, говорю себе, дура ты проклятая, вспомни, сколько ты натерпелась, сколько слезонек пролила, сколько кровушки твоей на эту любовь ушло, словно на войне всякий раз побываешь и вся израненная ворочаешься! Говорю себе, все знаю, а сердце: тук-тук! Тук-тук! И уж руки сами собой глаза намазывают, чулки натягивают, все самое лучшее на себя, самое чистое, а сердце поет, и бежишь к нему, и стоишь перед ним, сукиным сыном, как девушка, как будто в первый раз. Ах, Лиза! Пока жива буду, пока морщинами не испекусь, пока руки-ноги и все такое на месте, буду пить я эту отравушку, потому что слаще нет ничего!

Володя (восторженно). Кораблекруше!..

Рита. А ты не слушай, пень еловый! Что глаза-то выкатил? Пой! Гляди, какие бабы сидят, любви ждут, а вы все водку трескаете, идола! А потом храпите, как слоны, пока бабы рядом маются!..

Лиза (смеется). Ой, Ритка, да ну тебя!..

Рита. Да чего да ну! Пускай любят! На любви земля крутится! Лишь бы подлая какая не попалась: хорошим ребятам вечно змея достанется!

Володя. Это железно, это...

Лиза. Я сама думаю: тонковатая она, слабая еще, как рюмочка, как она в трудностях-то окажется!..

Володя. В трудностях надо... Мы знаешь в каких трудностях!

Рита. Да ладно тебе! Не знаешь ничего – не встрей!.. Играй давай, старомодина! И выпьем-ка за любовь! За ребят твоих, Лиз! Дай им бог счастья, а жэк – квартиру! (Пьет.) Пой, валенок!..

Володя (с ходу). «Вись снег повалится, повалится...»

Рита. «И я прочту его конверт...»

Лиза (тоже подхватив). «Что моя молодость повадится...»

Они поют. Валентин и Валентина продолжают разговор.

Он. Ну чего ты боишься, чего? Ты не веришь? Тебе не нравится моя мать? Наша жизнь, Катюша, ее комната?.. Что с тобой? Неужели ты думаешь, что жизнь будет предлагать нам и давать только то, что нам нравится? А самим-то надо что-нибудь делать?.. Зачем ты все портишь? Врать не надо, и совесть будет на месте! А то все норовят, вроде твоей мамы, чтобы и волки сыты и овцы это самое...

Она. Не хами...

Он. А ты не дрожи! Боишься – не делай, а сделала – не бойся!

Она. Тебе легко говорить! Ты парень.

Он. Ну, еще скажи какую-нибудь пошлость! «Поматросил и бросил» или что там говорится в таких случаях? Почему мне-то легко? Разве я не с тобой, разве я хоть чем-нибудь предал тебя? Ты до того боишься, что уже и мне не веришь!..

Она. Зачем ты-то меня еще хлещешь?

Он. А ты провожай моряков на аэродром, валандайся с женатиками, как твоя сестра, – тогда тебе ничего не будет. Все шито-крыто!..

Она. Ты с ума сошел, что ты говоришь!

Он. Валя! Валечка!.. Мне плакать хочется... Нет, я никому тебя не отдам! Что ты хочешь?

Она. Я ничего не хочу. Надо идти. Я каждую секунду ощущаю, как они там мечутся, что они думают... Они могли уже поехать к Соне! Понимаешь? Сегодня суббота... Ох, боже мой!..

Он. И ты пойдешь?..

Она. Валя, ну а как же?

Он. И ты придешь как ни в чем не бывало, и обманешь их, и сядешь пить чай?

Она. Не говори так!.. Мне страшно, пойми!.. Я одна, я одна!

Он. Одна? Ну спасибо!..

Она. Тебе не понять. Я одна! Боже, как страшно!.. (Плачет.)

Он. Кукла!

Снова звуки песни. Рита, Володя и Лиза поют. Там, у них, раздается звонок в дверь. Лиза, продолжая петь, распахивает дверь широко и весело. На пороге стоят Мать Валентины и Женя.

Валентина в ужасе закрывает лицо руками.

Женя. Здравствуйте. Простите, что потревожили.

Лиза. Здрасте. Что вы, пожалуйста!.. Извиняюсь, это мы так, ради субботы, у подруги день рождения. Да заходите!..

Мать. Да, весело, во дворе слышно.

Женя. Нет-нет, спасибо, мы на минуту... Скажите, у вас Вали нет? Я ее сестра, а это мать... А вы мать Валентина, да?

Лиза. Ой, это вы! Извиняюсь... Здравствуйте. Да заходите!

Мать. Здравствуйте!

Рита (из комнаты, хохоча). Подруга! Ой! Иди сюда! Глянь, что он делает!

Пусти, черт, тундра серая!.. Ой, умру!..

Лиза (захлопнув дверь в комнату). Извиняюсь...

Женя. Да не беспокойтесь, мы сейчас уйдем. Просто Валя...

Мать. Она ведь у вас бывает?..

Лиза. Валя?..

Мать. Да. Она моя дочь. Понимаете?..

Лиза. Да. У него много вообще друзей приходит.

Мать. Вы понимаете, она не ночевала дома, и в последнее время...

Женя. Мама, спокойнее...

Мать (не слушая). ...их увлечение, вашего сына и моей дочери... Вам известно, что у них увлечение? Или ваш мальчик скрывает это от вас?

Лиза. Нет, я слышала вообще...

Мать. А он дома?

Лиза. Он?.. Он вообще-то грузит в субботу, на станции...

Мать. Грузит? Разве он не студент?..

Лиза. Нет, студент, как же! Студент... Подрабатывает... У меня ведь их трое, две девочки еще...

Женя. Мама, может, она действительно у Сони, и мы зря?..

Мать (Жене). Оставь с Соней! Вы еще только думаете что-нибудь сделать, а мать уже за неделю знает, что и как!.. Да, я слышала, что у вас трое детей. А вам известно, что наши дети, ваш сын и моя дочь, чуть ли не жениться собираются?..

Женя. Мама!

Мать. Оставь!.. Вам известно?

Лиза кивает потупясь.

Ах, так!.. И что же, вы считаете это возможным?

Лиза молчит.

Вы считаете возможным, если они в этом возрасте сломают друг другу жизнь, бросят учебу и все прочее?..

Лиза. Да я ж тоже говорю! Ни кола ни двора, помощи ждать не приходится...

Мать. Они же дети! И разве не наша обязанность оградить их, уберечь от ошибки?..

Лиза. Ну! Погуляли бы, коли так, а жениться-то зачем?

Мать. Вот именно! Ну представьте себе: поженятся они, будет ребенок. Где им жить, на что, как?

Лиза. Не дай бог! Но им разве прикажешь? Они вон умные какие, все сами, ничего не слушают...

Мать. Но мы же не можем сидеть сложа руки и смотреть, как они гибнут?

Лиза. А жалко их тоже, сердце кровью обливается. В клетку-то их тоже не посадишь, все равно... Любовь ведь у них.

Мать. Любовь! Просто поразительно! Ну откуда? Ну какая любовь, ей-богу! Распустились все, всё позволено! Если бы это действительно было серьезно...

Дверь открывается, на пороге – Володя.

Володя. Лизочка, я потерпекорабле...

Лиза. Ой, погоди, куда ты? Иди, иди!..

Володя. О, какие люди!.. Мамамы!..

Лиза. Володя же, Володя!.. Рита, возьми его...

Володя. Я, конечно, потерпе... но для вас...

Рита (выходит). Эй, идол медвежий!.. Ух ты! Извиняюсь! Здравсте!..

Женя здоровается, Мать молчит.

Лиза. Рит, возьми его! Слышишь?..

Володя. Прошу... к нашему... салашу!..

Рита. Сейчас! Идем, идем! Да идем, кому говорю-то! (Силой тащит Володю.)

Мать (Жене, тихо). И вот в этот вертеп она ходит!..

Женя. Ну мам!..

Лиза (виновато улыбаясь). Разгулялся! Не остановишь теперь! Это не я, это подруга привела, видите? Мне и в комнату вас неудобно...

Женя. Нет, это вы нас извините, мы не вовремя...

Мать. Мы уходим! Я только хочу сказать, чтобы вы... понимаете, если у них не будет никакой поддержки, если мы будем выступать, так сказать, единым фронтом... Он ведь тоже совсем мальчик, зачем ему это? Искалечат себе жизнь! Никакой любви здесь нет, поймите! Туман, больше ничего.

Лиза. Ох господи!

Женя (Лизе). Не расстраивайтесь, действительно, ведь пройдет!

Лиза. Да жалко мне их! Поглядите, что делается с ними! Какая мать зла-то своему ребенку желает!.. Он ведь у меня неплохой, Валя, я сама его слушать привыкла, он неглупый ведь. Вам он, может, не нравится: конечно, какой из него жених – мальчик!..

Мать. Ой, ну разве в этом дело? Он хороший мальчик, и он бывал у нас, и мы... Правда, Женя?.. Но поймите...

Лиза. Он у меня честный, он плохо не сделает!.. Да если б я могла! Я бы им все отдала, пускай живут!

Мать. Вы смелая женщина! Но вы подумайте: они через год разойдутся, разочаруются...

Лиза. Да почему ж обязательно разойдутся-то? Я со своим смолоду тоже сошлась и всю жизнь прожила. А они ребята-то хорошие, и ваша умная, самостоятельная. Дети. Какие ж они дети! Им жить, им и решать!

Мать. Ну, вы меня удивляете!

Лиза. Да как же? По нашим-то временам спасибо, что хоть еще советуются да рассказывают, а то ведь и такие есть, не то что парни, но и среди девчат: ее мать за подол держит, а она – брось ты, мамаша, не твое дело! Наши-то золотые ребята, может, нам и не встреть к ним лучше, пусть сами?..

Женя. Да, как сказал один хороший писатель, взрослые не должны вмешиваться в любовные дела своих детей. Если, конечно, это хорошие дети...

Лиза. Вот! Правильный писатель! Покалечим мы им все!..

Мать. Помолчи со своими писателями!.. (Лизе.) Я вас не понимаю, просто не понимаю! Как можно серьезно верить в это! Нет, я своему ребенку не враг!..

Лиза. А я что же, враг? Я троих ращу, все говорят: какие, Лиз, дети у тебя хорошие... Вы не верите, а вы поглядите на них... Вы видели, вдвоем-то когда они?.. Я всю жизнь в поездах, всякого насмотрелась, а такое редко встретишь... Я, может, не понимаю, конечно, но мне... мне так кажется, что такое беречь надо, не трогать, не изгадить... натерзаются еще в жизни-то, что ж нам-то их терзать? Может, нам лучше вместе поддержать их?..

Мать. Нет, от меня не ждите, я потакать не собираюсь!..

Лиза. Не в потачках тут дело... Эх!.. (Плачет.)

Мать. Для вас, может, такие вещи привычны... судя по обстановке... (Жене.) Я теперь не удивлюсь, если им создают здесь условия...

Женя. Мама!..

Лиза. Какие условия? Нету у меня условий! И обстановки нету! А на улицу тоже не выгоню!.. Как хотите!..

На пороге Рита и Володя, затем с улицы появляется Маша со школьной папкой. Валентин и Валентина, измученные происходящим, тоже покидают свое убежище, медленно присоединяясь ко всем.

Рита. Лиза, Лиза, ты что?.. Чего это тут происходит?..

Володя. Кораблекруше... Мамамы!..

Женя. Мама, идем! Ой, как все это! Бред какой-то!..

Мать. Ты видишь, ты поняла?

Женя. Ну вижу, ну что особенного-то?.. Идем!..

Лиза (Рите). Да вот, условия, говорят, я создаю!

Рита. А, вон чего!.. Дочку, что ли, оберегают? Лапочки мои, старомодины!

Лиза. Неизвестно, чего оберегают, а душу ребятам в узлы завяжут! Мне ее-то еще больше жаль, чем своего! Парню-то что!..

Володя. Да выпить всем вместе – и все!.. (Жене.) Мадам!..

Женя (Володе). Спасибо, в другой раз с удовольствием... Мам!..

Мать. Я еще должна выслушивать из-за нее! Кошмар!

Женя уводит Мать, и тут они наталкиваются на Валентину. Валентин тем временем бросается к своей матери. Валентина не поднимает глаз.

Ты?.. Ты?.. Ты была здесь?! Дрянь!.. (Дает ей пощечину.) Домой! Сию минуту!

Женя. Ой! (Морщится.)

Валентин. Вы что? Что вы делаете?

Мать. Домой! (Валентину.) А с тобой мы еще отдельно поговорим! В другом месте! (Валентине, которая хочет бежать.) Стой! Стой, я сказала!

Валя. Я больше никогда не приду домой.

Валентин. Валечка! Не ходи!.. (Матери.) Ну, вы!.. Ну, вы!..

Мать. Не пойдешь? А ты знаешь, что, пока ты здесь развлекаешься, бабушка умирает? Из-за тебя!..

Валя. Неправда.

Мать. Скажи ей, Женя!

Женя. А подите вы от меня! (Уходит в сторону.)

Лиза. Господи, что же они делают!..

Валентин и Валентина остаются посередине, между двух, так сказать, лагерей.

Мать. Я должна увести ее! Во что бы то ни стало!.. Валя!

Рита. Да чего он тоже! Взял бы девку в охапку, и все!

Володя. Где пинжак, где костюм мой? Ща аккредитив получим... ребятам поможем...

Маша (возле Лизы). Мам, мам, ты что?.. Не надо!..

Лиза. Не так им еще надо было сказать!..

Рита. Горюют, дурачки! Счастье привалило, а они!..

Мать. Валя, иди к бабушке! Ты слышала?

В стороне появляется Бабка, полулежащая в кресле среди подушек. Валентин берет Валю за руку, чтобы вести ее к своим.

Она не идет. Все смотрят. Он снова тянет ее. Она бросается, целует его, хочет отбежать.

Он держит ее. Потом руки их разрываются. Валентина бежит к Бабке, падает на колени у ее кресла.

Мать спешит следом. Валентин возвращается к своим. Володя наливает ему стакан. Он пьет залпом.

Лиза (вдруг). Что стоишь? Беги за ней! Ну!

Валентин. Не пойду.

Лиза. Не пойдешь? Нет, ты иди, иди! Она кто теперь тебе, знаешь? Иди!
(Выталкивает Валентина.)

Володя. Кораблекруше...

Лиза. Будет просвет или нет?

А действие переходит, переносится в комнату Дины. Мурлычет магнитофон, горит низкая лампа.

В комнате Дина, Очкарик, Карандашов, Бухов, еще кто-то из стаи.

Карандашов. Почему-то у нас никак не привьется, что Новый год – семейный праздник и хорошо его встречать дома.

Очкарик. О господи! И ты, конечно, будешь сидеть дома?

Карандашов. Да, я лягу спать в половине первого, потому что второго числа у меня экзамен.

Бухов. У всех экзамены.

Очкарик. Но ты забыл, что мы лет пять подряд встречали Новый год вместе?

Карандашов. Ну и хватит... Где же наш Ромео?

Дина. Сейчас придет, мы договорились – в семь.

Бухов. Слушай, Очкарик, если никто не хочет, давай с тобой вдвоем соберемся – вроде бы и стая, и вроде бы семейный праздник. А?

Очкарик. Господи, как будто я кому-то интересна!.. Вы знаете, у меня такое чувство, что лучше школы, лучше нашего класса уже ничего в жизни не будет...

Дина. Конечно, не будет.

Бухов. Бабы, не наводите тоску.

Карандашов. Все самое главное – впереди.

Дина. Или – позади... Я на Новый год буду дежурить, мне деньги нужны... Лифт! Это он!..

Бухов. Братцы, приготовились!..

Карандашов. Без меня!..

Дина идет открывать дверь, Бухов разворачивает плакат, на котором написано: «Сдается комната, 14 кв. м., ул. Водников, 26, кв. 31, спросить Зою Михайловну».

Очкарик берет поднос, ставит на него тарелочку с кучкой денег.

Бухов пускает музыку громче, включает верхний свет. Дина вводит Валентина.

Бухов. Дорогой и уважаемый сэр! Оргкомитет бывшего десятого «А», созданный под девизом «Помоги психам, сам будешь таким», от имени всей стаи...

Дина. Подожди, Бухов!..

Бухов. Валька! Ты что?..

Очкарик. Валя, Валечка!.. Да что с ним?

Карандашов. Может, выдашь информацию?..

Валентин (стоит отвернувшись, потом превозмогает себя). Ничего, ничего, все нормально... Да ничего, ребята. (Читает плакат.) Улица Водников, где это?.. Спасибо, братцы!

Бухов. Да что с тобой? Объясни.

Дина. Ну, расскажи!..

Валентин. Да что? (Смеется. Дине.) Просто я подумал как следует и решил, что люблю тебя. (Хочет обнять ее.) Юг – одно слово!

Дина. Параноик!

Карандашов. Ты брось ты, в самом деле...

Валентин. Да ничего страшного, братцы! Не сошлись характерами. Любовная лодка разбилась о быт, как сказал поэт.

Карандашов. Ну а можно факты, без эмоций?

Валентин. Ну какие факты? Девушке страшно. Любви страшно, перемены,

трудностей, жизни страшно. Когда потихоньку, тайком, то и не страшно, и удобно, и зачем ради этого ломать привычную и удобную жизнь? Как просто!..

Бухов. Перестань!

Валентин. Да чего – перестань! Все бабы такие!..

Очкарик. Валя, тебе не идет.

Бухов. Так-так. А мы тебе комнатку сняли, и вот еще двадцать шесть рублей...

Валентин. Пропить! Гуляем!.. Где Новый год-то? Динка, где ты?.. Ну, дикая собака, ты чего?.. Радуйся, дурочка! Бухов, как там у Лермонтова? «Я не унижусь пред тобою...» А? (Развязен, смеется.)

Все стоят и смотрят.

Бухов (читает). «...Начну обманывать безбожно, чтоб не любить, как я любил; иль женщин уважать возможно, когда мне ангел изменил?..»

Валентин. Ангел! (Смеется.) Ангел!.. Где она? Посмотрите на этого ангела!..

Он выбегает вперед, показывает и потом сам смотрит на то, что происходит с Валентиной.

Ребята постепенно исчезают, остается только Бухов. А Валентина лежит в постели, укутанная, у нее температура, озноб, дрожь. Мать и Бабка (как ни в чем не бывало) ухаживают за ней.

Входит Женя с грелкой.

Бабка. Ну ничего, ничего... ты и маленькая всегда так: чуть температура, так уж и не выносишь... усни, Аленька!..

Мать. Надо все-таки врача...

Валя (отталкивает Бабку). Уйди!.. О боже мой! Зачем вы меня обманули, зачем?..

Бабка. Да чего ж обманули? Два раза мне за ночь «неотложку» вызывали. Ты б не пришла – не знаю, чего было бы!..

Валя. Вы меня обманули! Как вы меня обманули!..

Женя. Оставьте вы хоть сейчас ее в покое! (Выходит.)

Бабка. Как же! Наоставлялись!.. Чайку тебе, Аленька, с малинкой... Как загнала-то себя, лошадка ты моя, деточка!..

Валя. Уйди, бабушка, не трогай меня!..

Мать. Мама, ну не надо сейчас! Принеси, в самом деле, попить ей, Аля, давай вызовем врача?..

Валя. Себе вызывайте врачей! Ох, что же это?.. Я умру!..

Бабка. Я сейчас, сейчас!.. (Выходит.)

Мать прикрывает за ней дверь, подходит к Вале.

Мать (сдержанно). Аля, Алечка. Ты слышишь меня?..

Валя. Не надо, не хочу!.. Позор какой!..

Мать. Аля!.. Аля, ты прости, ты должна простить меня!.. Ты слышишь?.. Аля, я никогда... я тебя пальцем ни разу в жизни, ты знаешь...

Валя. Не надо, я не хочу...

Мать. Ты прощаешь меня?

Валя. Ну что ты! Ой боже! Это ты прости меня.

Мать. Я?.. Девочка моя. Я тебе всегда прощу. И я, и бабушка, и Женя, мы же всегда все пойдем, все простим. Ты только будь с нами, будь умницей, не отдаляйся от нас. (С внезапной лаской.) Доченька моя, красивая моя, маленькая... Неужели мы хотим тебе плохого?.. Кого я еще так люблю, кто мне дороже тебя? Золотко мое... (Целует ей руки.) Рученьки мои, умные мои...

Валя. Мама, не надо!

Мать. Я понимаю, я причиняю тебе боль, но это же ради тебя, деточка. Ты чуточку подрастешь и все поймешь, вот увидишь. Сейчас главное – успокоиться, забыть обо всем, отдохнуть... Хочешь, поедешь куда-нибудь на каникулы, я возьму через Красный Крест хорошую путевку, ты отдохнешь. Это все нервное.

Валя. Не надо мне ничего.

Мать. Господи, для кого я живу, для кого я стараюсь? Женя взрослая, ты одна у меня... (Целует ее.) Неужели ты можешь нас оставить?

В этом месте Валентин, криво усмехнувшись, обращается к Бухову: мол, видел? Пойдем, противно смотреть.

Валя (привстав). Валя! Не уходи!.. Валя!..

Валентин (махнув рукой). Ангел! (Уходит.)

Валя. Валя!.. (Падает на подушку.)

Мать. Аленька, давай вызовем врача? Ну почему ты не хочешь? Аля, скажи мне все, не бойся! Ты слышишь? Если что-то случилось, то... Ты же глупенькая, неопытная девочка... Ну, ну, я не буду!.. Боже мой, откуда такие страсти, такое безумие! Ты ничего не знаешь в жизни, ничего не умеешь. В жизни все делается не так, если уж на то пошло...

Валя. Мама, мама, что ты говоришь!

Мать. Я ничего не понимаю, ничего! Есть же какие-то приличия, форма, зачем этот ураган, чтобы все всё знали? Это интимное дело, оно никого не касается... Например, ты прекрасно знаешь, мы разошлись с твоим отцом восемь лет назад, и я еще могла бы... Был человек, который...

Валя. Мама, прошу тебя!..

Мать. Даже если это любовь, но это пока лихорадка, горячка, потом все пройдет, тебе самой станет стыдно...

Валя. Ой, не могу!

Мать. Что? Тебе плохо?.. (Зовет Бабку.) Мама!

Валя. Я не могу слышать этого, не могу, как ты не понимаешь?..

Входит Бабка с чаем, за ней – Женя.

Бабка. Что, что? На, деточка, на!

Валя. Не надо мне ничего! Как вы не понимаете?.. Это не я, меня нет, одна оболочка... меня всю заполнило... и как будто прорвется сейчас... с этим нельзя ничего сделать! (Садится.) Зачем вы меня обманули? Зачем вернули?.. Я уже не должна здесь быть, меня больше нет, поймите!.. И не надо мне ничего! Что ты шепчешь, что ты говоришь мне?.. Ничего такого нет, о чем ты думаешь, а было бы – пускай!.. Зачем я вам? Зачем?..

Мать (пытаясь уложить ее). Тише, тише, успокойся!

Бабка. Господи, да что ж это! Не уйдем мы ее!

Валя. Пустите меня, не трогайте!.. Я уже не ваша, неужели не понимаете? Пока вас обманывали, все было хорошо, ложь вас устраивала, а от правды вам страшно! А я не хочу врать! Не могу! И не буду! И не понимаю, почему я должна врать?.. По-вашему, никакой любви нет и надо просто устраиваться (передразнивает) ...устроиться, муж, не муж! А если я умереть готова из-за него, – любовь это или что?..

Мать. Ну любовь, любовь, успокойся...

Бабка. Любовь и есть. Ох, уйдет, она! Я давно знала...

Валя (вскакивает). Нет! Пустите меня!.. (Зовет.) Валя! Валя!.. Я уйду!.. (Лихорадочно хватая одежду, одевается.)

Мать ловит ее по комнате.

Женя (вдруг). Не трогай ее! Оставь! (Почти отшвыривает Мать от Вали.)

Мать. Ты что? Что это?..

Женя (кричит). Не смейте! Не трогайте ее!.. Пусть идет! Пусть делает как хочет! Невыносимо же!.. Бред какой-то!

Бабка. Ну, все! И из этой пробка выскочила!..

Мать. Ты что?

Женя. Валя, иди! Уходи! Беги куда глаза глядят, не жалея ни о чем! Вам мало, да? Вам меня мало?.. Мало я слез пролила?.. Я тоже всю жизнь слушала вас и поддавалась!.. А что теперь? Что у меня есть?

Мать. Опять мы виноваты?

Бабка. Давно надо было ждать! Одна порода!

Женя. Нет, хватит! (Вале.) Вот так же и мне они шептали, устраивали путевочки, чтобы я не ушла, упаси бог, к Анатолику или еще куда! А у нас с Толиком все серьезно было, очень! Да-да! (Матери.) А ты! Что ты знаешь про нас? Бабушка еще что-то знала или догадывалась... А ты... ты же всегда занята, на работе, ты замечала нас только тогда, когда у нас что-то случалось. И беспокоилась лишь о том, чтобы никто ничего плохого не подумал про нас, про ваших девочек! Как же, они такие воспитанные, они английский знают, они музыкальную кончили! И с ними ни-че-го та-ко-го быть не может!.. А было, было! Ты знаешь, что Игорь меня бросил, а не я его, как принято говорить у нас в доме? Да, он! За то, что не любила его, за то, что к Толику еще два года потом бегала. Он был порядочный человек, Игорь, а я врала ему! И мучила.

Мать. Что ты плетешь?.. (Бабке.) Мама, что она говорит?.. Аля, не слушай!..

Женя. Слушай, Аля!.. Я наперед тебе могу рассказать, что будет, если ты не уйдешь! Ты измучаешься и тебе все равно некуда будет деться от этой любви: ты будешь сходитьсся, расходиться, чего-то искать, и все равно возвращаться к этому, и пусть у тебя будут потом дети, семья, но в один прекрасный день любовь вернется и скажет: ты мне должна, мы еще не рассчитались, плати по счету!.. Боже мой, меня же растлили ложью, опустошили, я ведь хорошая девочка была и хорошего парня любила! А ты, и ты, бабушка, всю жизнь из нас каких-то гимназисток хотели сделать! Будто гимназистки святые были! Уходи, Валя, я больше смотреть на это не могу! Люби, пока любишь! Разлюбишь – уйдешь! Зато не надо будет врать всю жизнь и проклинать себя потом! А то превратишься в такую вот, как я, в холодную, как собачий нос, которой все равно, лишь бы одной не быть, лишь бы дома не сидеть!.. Пустота! Все вынули! Не могу больше! Люби, рожай, живи своим умом!.. (Обнимает сестру, целует ее в лоб.) Они и нас-то с тобой врагами сделали!.. Но ничего!.. Я тоже еще соберусь!.. Ничего!..

Валя. Я это знала, Женя, я это знала...

Мать. Чудовищно! Чудовищно!..

Бабка. Слезай, приехали!

Женя. Не плачь. А паспорт твой на всякий случай у меня. Надо будет – возьмешь. Не дрожи, все уладится. (Уходит и в дверях свирепо кричит.) И про-шу! Ко мне! Не! Вхо-дить!..

Мать. И это мои дочери, мои дочери!

Валя плачет, собирается, бормочет: «Валя! Валечка...» И видит, что Валентин дома, на своей кухне, а рядом с ним Бухов, Маша учит уроки.

Бухов. Ну брось! Ну пора же убедиться, что она не наш человек. Первое испытание – и все!..

Валентин. Ну при чем тут она? Это я, я ничего не могу сделать! Она вечно за меня в троллейбусе платит и билеты в кино берет! Не мелочи?.. Это мы – мальчишки в восемнадцать лет, а они могут матерями быть, семью создавать и все такое. А я что

могу? И я подлец, потому что не имел права ее трогать! И не имею права тащить ее в трудную жизнь. Зачем? Во имя чего?.. Во имя любви?.. Но ее вот звал недавно один морячок, – может, он тоже мог бы полюбить ее не меньше, но за него ей бы уже не пришлось в троллейбусе платить. Почему я такой? Ну почему? Обижают тех, кто других не может обидеть!

Бухов. Ну ладно, перестань ты испепеляться-то!

Валентин. Да нет, ничего... Я уйду, скроюсь... Переживем!

Бухов. Да ну, действительно, из-за девчонки ты уж совсем!

Валентин. Да-да, слишком! (Трет лицо.) Надо ведь читать, работать, сессия на носу!.. Ах, вспомним мы эту сессию! Ничё, ничё! (Пытается смеяться.)

Маша (вдруг). Как вам не стыдно! Валя! У вас же любовь! Любовь! Валя!

Валентин. Ты что это? Мала еще!

Маша. Не мала! Я все понимаю! Помнишь, я тебе говорила про замечательных людей? Еще неизвестно, что бы эти замечательные люди сделали, если бы не любили, не страдали, не понимали в красоте! Ни в одной книге без этого не обходится. Значит, так надо! Не может человек жить без любви! (Убегает.)

Бухов. Ну, дети пошли!

Валентин вскакивает, выходит и видит: Валя у двери, перед ней – Мать и Бабка.

Бабка (плачет). Пусть идет, коли так, пусть! Хватит горюшка, прибежит!..

Мать. Да! Иди! Скатертью дорога! Все идите! Бегите! Не могу я больше! Отблагодарили родную мать, родной дом! Всю жизнь вам отдают, от всего ради вас отказываются, а вы!.. Мы отстали, мы не понимаем ничего! Как будто сами такими не были! Иди, иди! Что стоишь? Иди! (Распахивает дверь.) У тебя же любовь! Как же! Анна Каренина! А я, слава богу, освобожусь! Я, может, тоже поживу спокойно, для себя немножко поживу! Я тоже живой человек и тоже женщина! А до вас мне больше нет дела! (Пауза.) Я отдала вам все, я была вам и матерью и отцом – как это все тяжело!.. И я все понимаю, неужели вы думаете, не понимаю? Но я не хочу, чтобы у вас было, как у меня, как у многих, многих женщин... Если бы вы знали, что это – жить одной! Если бы... Иди же! Иди!..

Бабка. Да куда, куда ей идти-то?

Мать. Куда хочет! Я устала! Не могу больше!..

Валя не уходит. Валентин подбегает к ней.

Он. Ну? Иди же!

Она. Я не могу сейчас... Ты видишь?

Он. Сейчас, сейчас!.. Не жалею ничего, нельзя!..

Она. Что я, каменная?

Он. Валя!

Она. Потом. Уходи. Не могу я ее добивать...

Мать сидит, закрыв рукой глаза. Валя гладит ее по голове. Валентин возвращается домой. Садится.

Пауза. В дверях стук и гром. Входит нарядный Володя с покупками.

Володя. А, студенты, здорово!.. Ногами двери открываем, а?.. Примите-ка, вот тут стеклянное!.. Так!.. Не захотели у меня башли брать, – видал, все равно плывут!.. Кораблекрушение!.. Ого, выговаривается!.. А маманя где? Девочки? Ты чего такой, исторический матерьялизм?..

Валентин. Да так. Мама скоро придет, а девочки не знаю где...

Володя. А! Ну ясно! А то я им тут подарочков к Новому году...

Валентин. Ты извини, но я буду заниматься, ладно?

Володя (чуть обидясь, взяв Валу за плечо). Слушай, мужик! Вот так, без

никого... Вот я, ты и твой кореш... Если ты чего думаешь насчет матери, – ты брось, понял? Мать у тебя замечательная, и я к ней ничего, понял?.. Нет, ты слушай!.. Чтоб у нас все путем... Я к вам нечаяно попал, сам знаешь, и вот это дело (про покупки) – от души, от сердца, понял?

Валентин. Да, я понял, Володя, я ничего не говорю.

Володя. И все! Слово нефтяника!.. Я тут девочкам на елку, то, се, и все. Понял? От души.

Валентин. Я понял.

Володя. И ты мать вообще... Ты ее держись!.. Она и девушку твою примет, и вообще!..

Валентин (с усмешкой). С девушкой-то все.

Володя. Чего?

Валентин. Да так!..

Володя. Ну-ка, ну-ка! Потерпел кораблекрушение, что ли?

Валентин. Вроде того.

Володя. Ну, это ты брось!.. Мне мать рассказывала, что у вас вообще все так, без балды. А?.. Ну, интересно! Ну, вы даете!..

Бухов. Кончен бал, погасли свечи...

Володя. Ну не поверю! Чего ж это, а? Всё деньги небось? Жилья нету, родичи против, то да се?.. Так, что ли? Эх, люди! А ты уж и лапки вверх? Ну народ! (Бухову.) Она человек-то стоящий?..

Бухов пожимает плечами.

Любишь ты ее?

Валентин кивает.

Так в чём дело, дядя? Держи и не выпускай! Всю жизнь потом себе не простишь, увидишь! На всю жизнь кислым останешься! Брось все, не жалея, вали работать, добудь что надо! Хочешь к нам? Не будешь пить-курить, за два года вот такие гроши привезешь! Квартиру построишь, ее оденешь-обуешь, чин чинарем! А поучишься заочно. А то и потом догонишь! Ты для чего учишься-то? Для счастья или для чего? Так, может, оно пришло уже, держи его! Баба, брат, это большое в жизни счастье! Это много. Потом локти будешь кусать, точно тебе говорю!.. Хочешь – поедем! К себе на буровую поставлю! Через три месяца разряд дам. У меня звери, а не бригада, увидишь!..

Бухов. А армия?

Володя. Мы не отдадим!.. Я тебе дело говорю, парень!

Бухов. Работать и здесь можно.

Володя. Здесь не то! Там реальность, понял? Полста – на котел, проходить – в казенном проходишь, а две сотни в месяц как кинешь своей девочке – она от тебя и к академику не учапает, понял? Давай, точно тебе говорю!.. И что вы несмелые какие-то! Парнишки в ваши годы уже полвойны прошли, Родину отстояли, а вы девок своих отстоять не можете! Мужики тоже, комсомол!..

Валентин. Как кинешь? А она?

Володя. Что она? Подождет! Считай, это счастье, что я тебе попался!

Валентин. Как – подождет! Я без нее не могу!

Володя. Здравствуй! Ты ж для нее сделаешь. И сам человеком будешь чувствовать, перед собой совесть чистая: мол, я все сделал, ничего для тебя не пожалел! А бабы, я вам скажу, это больше всего уважают: когда ты за нее и в огонь и, в воду! Ей и денег твоих не надо – только чего-нибудь этакое для нее шарахни! А если Исусиком таким ходить, слюни распускать, того и гляди, уведут!..

Бухов. Вообще-то верно: чтобы взять крепость, осаду не снимают.

Володя. Ну!.. Вот и по науке так! Ну что? Едешь, что ли? Пиши адрес, с оркестром встречу! Не бойсь!

Валентин. Подождите, а она? Она-то что?..

Володя. Ну, заладил! Захочет – приедет тоже!

Валентин. Подождите, я сейчас!

Бухов. Куда ты, псих! Шапку хоть!..

Валентин убегает. Бухов спешит за ним. Без пальто и шапки Валентин стоит в телефонной будке.

На другом конце мы видим телефон, накрытый подушкой. Звонка нет.

Валентин идет по улице. Он убит. Бухов – за ним, обматывает его своим шарфом, отдает свои перчатки.

Ну нельзя же так! К черту всякую любовь, нет никакой любви!.. Валь!.. Ну! Слышишь?.. Наплевать и забыть! Давай погреемся зайдем, простудишься еще, не хватало! Любовь! Сказал бы я!..

Они входят в вестибюль большого магазина, греются у калорифера.

Рядом стоит Прохожий, человек с авоськой, лет сорока, самого обычного вида.

Ну вот, хочешь, у чудака спросим: есть любовь или нет? Он сейчас тебе скажет, послушай! (Смеется.)

Валентин. Да брось ты к черту!..

Бухов. Да нет уж, нет! Покончим с этим делом!.. Товарищ, а товарищ! Извините, мы из молодежной редакции радио, у нас небольшой социологический опрос. (Достал блокнот и ручку, играет в корреспондента.) Вы можете не называть себя, не обязательно... Скажите, пожалуйста, что вы думаете о любви? Есть любовь или нет, и вообще, какая она?

Прохожий вдруг взволновался, оглядывается, усмехается.

Прохожий. Вы что, серьезно?.. Почему именно у меня?

Бухов. Ну, это чистая случайность, не волнуйтесь...

Валентин. Бухов, кончай, не надо!

Бухов (отстраняя Валентина). Всего несколько слов. (Усмешка.) Уж мы-то с вами знаем, что никакой любви нет, но...

Прохожий. Как – нет?..

Бухов. А что, есть?

Прохожий (еще оглянувшись, отступая, манит ребят за собой, может быть, даже обнимает их за плечи и говорит, волнуясь). Сейчас... Минутку... Как бы это вам сформулировать? Вот!.. Смешно!.. Никому нельзя рассказать, а хочется... Какая она? Да? (Усмехается.) Вы знаете, какая она? Как писал Александр Блок: «Тоскою, страстью, огневицей идет безумие любви...» Вы только поймите правильно... Вот, предположим, есть у человека семья, дом, одной девочке тринадцать, другой семь... Все замечательно, и жена замечательный человек... Браки, как говорят, совершаются на небесах, и этот брак тоже... Девочки идут в школу, а вы не заметили, как они выросли, потому что жили счастливо... Вы понимаете?.. Но вдруг что-то случается... Почему? Откуда? Никто не знает... Любовь?.. Да, это то состояние, почти болезненное, та психическая навязчивая идея, когда ты думаешь только об одном. О ней... Всюду она, и только, все остальное – лишь отвлечение, досада, и ты высматриваешь, ждешь... увидеть, только увидеть, больше ничего, иначе сойдешь с ума!.. Любовь – это колдовство, это та близость, когда вот так, когда положишь человеку руку на плечо, возьмешь его за руку, прикоснешься – и все! Понимаешь, что это твое, навсегда твое, что бы там ни было. Понимаете?.. Как быть тогда, а?.. Влюбленность и любовь, страсть и любовь, они похожи, но они совсем разные.

Понимаете? Влюбленность – это прекрасно! Тут и ликование, и счастье, и тревога, и жажда, и страх потерять человека, потерять все, и тысячи комплексов, и изнуряющая мысль: как быть? что делать? Ты говоришь невероятные слова, которых ты никогда не говорил, и тебе говорят такие же слова, и ты веришь, сразу веришь, что она никому такого не говорила... Да, хочется увидеть, увидеть, больше ничего... Проверить, проверить, убедиться, опять испытать то, что было... Где ты, где ты? И ты перестаешь есть, спать, ничего не слышишь, ты как стрела – тетива спущена, ты летишь. В этом есть ощущение удара, катастрофы: была жизнь, шли трамваи, ты пил чай, и вдруг – бомба, разрыв, все снесено взрывной волной... Как поезд метро, когда он вырывается из тоннеля на метромост: все дремали, качались, читали газеты, и бац! – солнце, небо, река блестит... Да? Понятно?... Но это не все, мальчики! Любовь – это когда человек понимает другого, когда он делает так, чтобы обрадовать и осчастливить другого. Она говорит: хочешь, я рожу тебе сына? Да, говоришь ты без запинки, потому что тебе ясно, что это должна сделать только она. Любовь – это когда ничего не стыдно, ничего не страшно, понимаете? Когда тебя не подведут, не предадут. Когда верят. Когда хотят быть лучше, жить чище. Вот когда говорят: что ж ты, такая-сякая, опоздала на десять минут, где ты была?... Это не любовь. Это – когда ждут без конца: и час, и год, и больше, потому что знают и верят, что человек все равно придет... (Чуть опомнясь.) Извините, я, кажется, слишком... Извините.

Ребята ошеломлены. Прохожий улыбается, оглядывается. Пауза.

Бухов. Простите, это вы ее ждете? Да?

Прохожий. Я жду свою жену... (Уходит.)

Бухов. Нет, в этом, видно, ничего не понять, пока не узнаешь сам... Ты куда? Валь?

Валентин. Не надо. Дай я побуду один.

Валентин быстро уходит от Бухова. Снова скамейка, зима, музыка. Надвигается Новый год.

Появляется Валентина. Подходит. Садится рядом. Пауза.

Он. Вообще-то любовь надо душить в зародыше.

Она. Конечно. Вот так вот.

Он. Нет, я, может, и влюбился бы, да времени нету.

Она. Да, со временем кошмар.

Он. Еще, кстати, Наполеон говорил: на женщину – не более получаса.

Она (в тон). А на мужчин и пятнадцати минут много!

Он. Ну уж пятнадцать, может, уделите?

И они начинают смеяться. Они смеются, еще не зная, какая жизнь ждет их впереди.

Но первую победу они одержали.

Конец

1970